

Артур Трэн

Вторая Луна
АСТРОНОМИЧЕСКИЙ РОМАН,
составленный при участии проф. Р. Вуда

Предисловие к русскому изданию

Задача автора научно-фантастического романа в наши дни несравненно труднее, чем во времена Жюль Верна и даже в более близкую к нам эпоху появления научных фантазий Уэллса. Нужно обладать серьёзными и разносторонними научными познаниями, чтобы, не повторяя своих предшественников, избрать новый сюжет для подобного произведения и интересно разработать его, оставаясь на уровне строгих научных требований. Соединение в одном лице крупного литературного дарования с научно-дисциплинированным умом и глубокой эрудицией – явление до чрезвычайности редкое. Этим и объясняется крайняя бедность современной мировой литературы удачными произведениями научно-фантастического характера.

Предлагаемый новый астрономический роман Артура Трэна принадлежит к числу таких немногочисленных удачных произведений образовательной беллетристики. Это – плод совместной работы художника и учёного: он написан американским беллетристом при участии крупного учёного Роберта Вуда, профессора физики Балтиморского Университета, научной силы первого ранга. Сотрудничество физика, прославившегося своими остроумными экспериментальными исследованиями, сказывается в своеобразной фабуле романа, в её осторожной и правдоподобной разработке; а участие опытного литературного работника сделало то, что научные детали не отягчают повествования, а сливаются с ним в органическое целое. В результате – оригинальное и занимательное произведение, в котором и художественная и научная сторона стоят на должной высоте.

Роман печатался в 1917 г. в лучшем американском ежемесячнике «Cosmopolitan», откуда мы воспроизводим также иллюстрирующие текст рисунки.

Редакция.

ПРОЛОГ

Машина медленно спускалась.

Мировая война была в полном разгаре, когда Вашингтонская морская обсерватория приняла ряд радиотелеграмм за подписью «Пакс» (по латыни – мир), в которых автор объявлял, что он овладел искусством управлять стихиями. Таинственные сообщения сопровождалось необычайными явлениями в природе: сильными подземными ударами и небывалыми полярными сияниями. Одновременно с тем, в различных местах земного шара была замечена чудовищная воздушная машина, прозванная Летучим Кольцом. Этот доселе невиданный летательный аппарат посредством мощного потока особых лучей разрушил горы в Северной Африке и затопил Сахару. Пакс предупреждал воюющие государства, что изменит наклон земной оси и заставит прекратить войну, превратив Центральную Европу в знойную пустыню, если державы не заключат вечного мира. Народы, опасаясь, что их упорство приведёт к гибели земного человечества, вступили в мирные переговоры.

Около того же времени профессор физики Гарвардского университета, Венямин Хукер, определил в результате ряда изысканий, что таинственная сила Пакса исходит из пустынных равнин Лабрадора. Он решил направиться туда, чтобы раскрыть тайну Пакса и его планы. После многих лишений, ему удалось открыть местонахождение Летучего Кольца; он прибыл туда как раз в тот момент, когда Пакс готовился осуществить свою угрозу – отклонить земную ось. Но, вследствие случайной неисправности механизма, порождающего разрушительный поток лучей, Пакс и его товарищи погибли от взрыва. Летучее Кольцо, однако, уцелело, и Хукер вместе со своим другом, искусным авиатором Борком, сумел разобраться в его механизме.

ГЛАВА I Блуждающий астероид

I

– Ну, – с вызывающим видом сказал Бентам Тассифер, – посмотрим!

Это был красивый маленький человек с брюшком, напоминавшим дыню. Красный, вспотевший от игры в гольф, он казался олицетворением воинственной самоуверенности в

том, что сумеет отбросить мяч не менее, чем на 900 футов. На самом же деле он вовсе не был так уверен в себе. Он знал, что дальше футов 180 ему едва ли удастся закинуть мяч. Но как чиновник департамента юстиции, он считал неприличным обнаружить нервность и неуверенность, а потому, сурово взглянув на своего худощавого противника Джедсона, повторил: – «Ну, посмотрим!»

Никто, кроме жены Тассифера, не знал, какой у него уступчивый характер. Все считали, что мистер Тассифер ни при каких обстоятельствах не позволит наступить себе на ногу: он всегда отстаивал свои права с энергией природного британца. И теперь, размахивая палкой, он не подавал и виду, что можно сомневаться в его ударе. Вдруг ему показалось, что перед глазами летают чёрные мушки.

– Цыц! – закричал он, махнув левою рукой. – Ах, эти мухи!

– Мухи? В октябре? – возразил его партнёр, чиновник департамента земледелия.

– Ну да, мухи. – сказал Бентам. – Вот они. Видите?

Он указал палкой на точку в синеве неба.

– Аэроплан, – возразил Джедсон. – Проследим за ним.

Чёрное пятно быстро приближалось и росло с каждым мгновением.

– Круглый, с отверстием в середине! – закричал Бентам.

Теперь оба могли ясно видеть аппарат во всех мелочах.

Повидимому, он был сооружён из полированной стали, потому что ослепительно сверкал в солнечных лучах, когда летел над площадкой. Он походил на полое цилиндрическое кольцо в форме спасательного круга, футов 75 в диаметре. Над кольцом имелось сооружение в виде огромного напёрстка на трёх стойках, обращённого отверстием вниз, к середине аппарата. Слабое жёлтое сияние, нечто вроде светящегося пара, висело над гигантской машиной, с глухим шумом двигавшейся в воздухе.

– Спускается! – крикнул Бентам.

Сверху доносилось тихое и мерное потрескивание, как будто выпускали пар. Машина перестала двигаться вперёд и начала медленно спускаться. Донеслись сильные скрипы и хрусты; поток чего-то подобного горячему пару, сопровождаемый бледно-жёлтым фосфоресцирующим светом, пронёсся чрез средину кольца и сорвал зелёный покров лужайки, подняв на воздух тучи земляной пыли и травы. Тассифер и Джедсон, почти ослеплённые дождём грязи и песку, побежали под прикрытие ближайшего навеса.

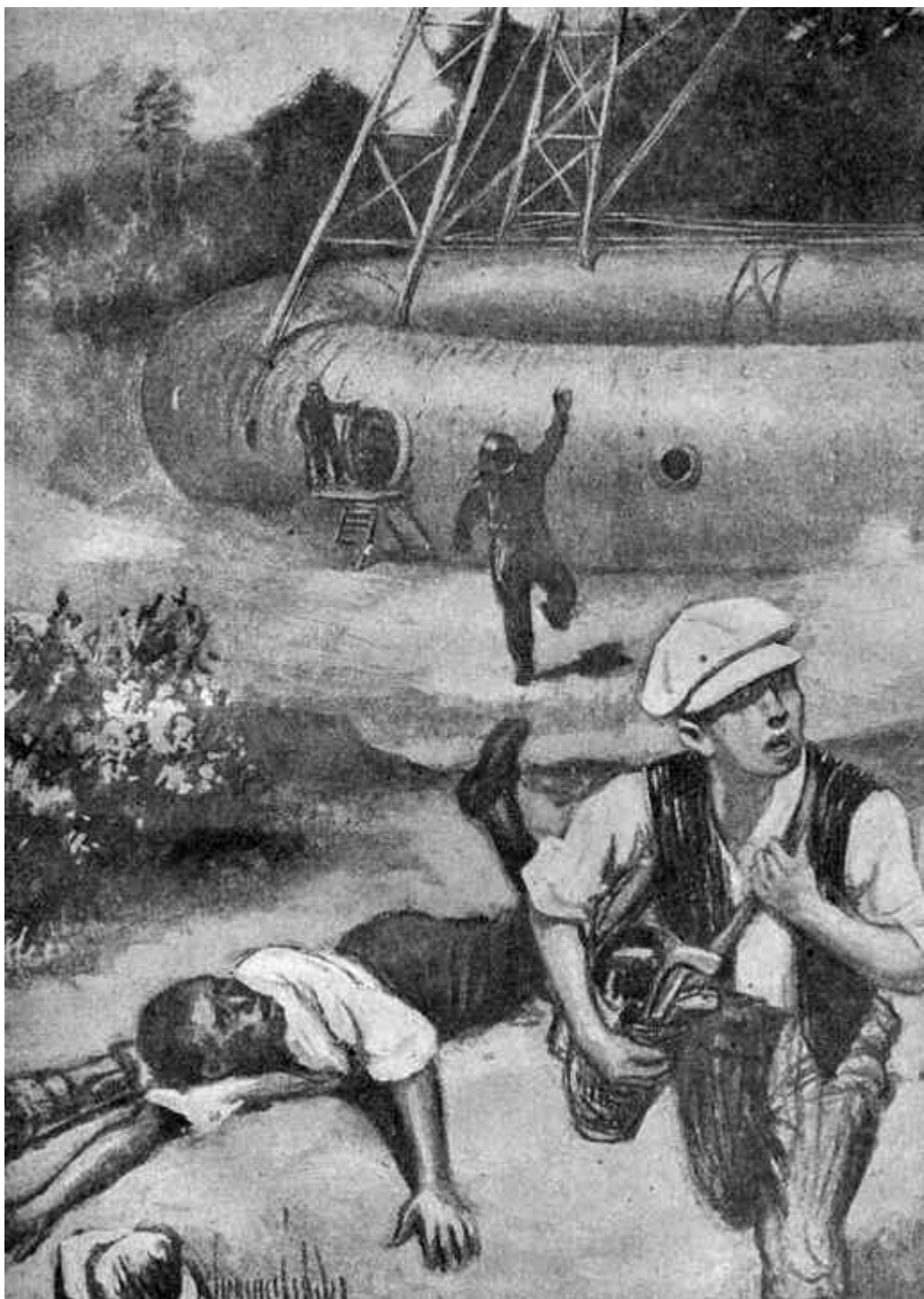
– Это непростительно! – кричал Тассифер, прикурнув под навесом. – Они просто с ума сошли! Спускаться на площадку! Частное владение...

Через несколько минут шум стих, песчаный вихрь улёгся. Игроки подняли голову и вылезли из-под навеса. Кругом весь дёрн лужайки на протяжении сотни футов был вырван, и внутри образовавшейся воронки, окружённой неправильным кольцом песку и гравия, покоился гигантский летательный аппарат с надстройкой, напоминавшей мачту военного корабля». Весь аппарат, зарывшийся в площадку для гольфа, представлялся чем-то неподвижным, невозмутимым, и вид его донельзя раздражал Тассифера. Пока он смотрел на нарушителя прав частного владения, сбоку открылось круглое отверстие, и на землю была спущена складная стальная лестница. Невысокий человек в странном шлеме вышел на эту лестницу и стал спускаться.

Тассифер вскочил.

– Эй, вы там! Это частная собственность! Вы не вправе здесь останавливаться...

Человек с машины прыгнул на землю и повернул к разгневанному игроку круглое стеклянное лицо, похожее на маленький аквариум. Вид этого человека был и страшен и смешон. Наклонив голову, он нёсся, как бык, прямо на Тассифера, а тот позорно обратился в бегство и не оборачивался, пока не достиг галереи клубного здания. Джедсон прибежал туда ещё раньше.

Человек нёсся прямо на Тассифера...

– Сейчас иду к телефону! Нужно задержать этого человека... Нарушение прав частного владения... Вторжение! Посмотрим! – Маленький человек трясся от бешенства и униженного чувства достоинства. – На самую середину площадки! Как можно здесь спокойно играть, хотел бы я знать?

– Надо жаловаться и на порчу земли, – задыхаясь, выговорил Джедсон, который только теперь мог перевести дух.

Сзади послышались тяжёлые, нервные шаги. Игроки обернулись. К ним подходил человек с аппарата; он снял свой шлем и казался бледным, усталым, совсем смирным.

– Извините меня, – сказал он сухо. – Могу я отсюда позвонить по телефону в обсерваторию? Моё имя Хукер, мы только что прибыли из области Унгава в Канаде. Пришлось спуститься на вашу площадку – негде было иначе. Могли бы вы ссудить мне

папироску?

II

На следующее утро после спуска Летучего Кольца на площадку для гольфа, в Вашингтоне, профессор Веньямин Хукер проснулся не только самым замечательным, но без сомнения, и самым интересным человеком всего земного шара. Обладая чудесною машиной, способной двигаться по воздуху и испускать тот таинственный луч, который может уничтожить и боевой флот, и горную цепь, – профессор Хукер был провозглашён «первым гражданином мира». Он – или государство, подданным которого он пожелал бы считаться, – могли направлять судьбы человечества.

Стало известно, что все народы, вовлечённые в мировую войну, заключили мирный договор исключительно под угрозами таинственного некто, назвавшегося Паксом. Многие подозревали, что Хукер и неведомый Пакс – одно и то же лицо. Думали, что приведя войну к концу, он вернулся со своим воздушным чудовищем для того, чтобы вести научные исследования в Соединённых Штатах.

Профессор Веньямин Хукер, до того времени скромнейший из самых скромных обитателей Кэмбриджа, в Массачусетсе, сразу выдвинулся выше всех; его называли не только вождем мировой политики, но и диктатором человечества. Однако, верный своим врождённым влечениям, Хукер не обращал никакого внимания на эту неумеренную лесть. На другой день по прибытии он сделал визит государственному секретарю, потом укрылся в библиотеке Конгресса, чтобы составить отчёт для Смитсоновского Института и, сняв комнату, служившую ему кабинетом и спальней, стал вести беспритязательную жизнь научного работника.

По соглашению с правительством, Летучее Кольцо было помещено на большом аэродроме за городом. Для защиты от любопытных, оно было обнесено стальной оградой в 30 футов вышиной, которую днём и ночью охраняли вооружённые сторожа. Правительство Соединённых Штатов полагало, что Летучее Кольцо представляет ключ не только к вечному миру, но и к безопасности всего человечества. У всякого другого на месте профессора Хукера закружилась бы голова. Ежедневно его скромную квартиру посещали представители иностранных государств и от имени своих правительств приносили знаки высших отличий. Но скромный человек мало думал об этих почестях и складывал все кресты и другие знаки в пустой, даже не совсем опрятный ящик своего письменного стола. Вся эта шумиха отнимала, по его мнению, много времени и мешала серьёзному труду. Но его скромность только увеличивала его славу. Маленький человек в поношенном платье, с растрёпанными тёмными волосами, в двойных очках, сделался самым популярным человеком в мире, более того, – самым знаменитым с сотворения мира. Он довольствовался мешковатым костюмом в 15 долларов и жил в комнате за 3 доллара в неделю, – а его портрет висел в каждой кухне от берегов Атлантического океана до Тихого. Когда он не работал в библиотеке Конгресса или в Смитсоновском Институте, когда он гулял по Вашингтону, опустив глаза к земле или подняв их вверх, всецело погружённый в размышления, то кругом на каждом углу указывали на него:

– Это он! Это Хукер!

Размышляя таким образом об одном из уравнений, занесённых в его записную книжку, Хукер забрёл в парк и в раздумьи сел на край зелёной садовой скамейки, на другом конце которой уже сидела молодая девушка в тёмном костюме. Хукер не знал, что находится в парке, не знал даже, что сидит на зелёной садовой скамейке. Нечего и говорить, что он не замечал и присутствия девушки в тёмном костюме. Уравнение было трудное, и ему не удавалось его проинтегрировать. С записной книжкой на коленях профессор нервно кусал кончик карандаша. Вдруг чистый и звучный молодой голос, который, казалось исходил из точки прямо над его правым плечом, произнёс:

– Почему вы не выразите x в форме показателя, профессор Хукер?

Возглас этот, однако, не вывел Хукера из созерцательного состояния; для него это был отклик его собственных мыслей.

– Так и есть, – размышлял он. – Разумеется... Как я не подумал об этом раньше!

И он продолжал выкладки в этом смысле; но решение всё-таки не давалось...

– Однако, вы делаете не совсем то, что я советовала, – продолжал тот же голос.

Тогда Хукер в первый раз взглянул направо.

Девушка подвинулась на скамейке и сидела рядом с ним. Она казалась чуть выше профессора. Он был слишком занят своим уравнением, чтобы заметить стройность её фигуры, приятные очертания щёк и подбородка, длинные чёрные ресницы больших серых глаз, широкий лоб, милую улыбку мягко изогнутых губ. Он воспринял лишь впечатление силы, уравновешенности и уверенности.

– Дайте мне записную книжку, – сказала девушка и, не дожидаясь ответа, живо взяла её из сопротивляющихся рук Хукера. – Так! – сказала она. – Теперь это будет гораздо проще. Видите? *X* обозначает вещественную часть комплексного выражения...

– Хорошо, – объявил Хукер, с очевидным удивлением. – Вы, я вижу, очень сильны в математике! Теперь я справлюсь с этим.

Где-то загудели фабрики.

– Уже час! – воскликнул он, вскочил с места, побежал по парку и прыгнул в мимо проходивший вагон. Девушка следила за ним весёлым взглядом. «Мне думается, в математике я сильнее его», заметила она с удовлетворением. «А какой он милый!»

III

Наскоро закусивши в пансионе, профессор Хукер ушёл к себе в комнату, закурил трубку, уселся на кровати и снова занялся записной книжкой. Несмотря на ясные указания молодой девушки, уравнение упорно не поддавалось решению. Почти час грыз он свой карандаш, иногда вскакивал и нервно ходил по комнате.

– Надо было попросить её довести выкладки до конца, – уступил, наконец, Хукер. – Мне не справиться с этим. Пойду к Торнтону, он разберётся.

Торнтон – старший астроном в новой Морской Обсерватории – со своим младшим помощником был первым научным наблюдателем таинственных явлений, вызванных силой Пакса. Хукер вспомнил, что одну из записных книжек оставил в Смизсонианском Институте; поэтому он направился сначала в Институт. Достав забытую книжку, он обратился к другой неразрешённой проблеме, так что уже стемнело, когда он сел в вагон, чтобы поехать к Торнтону.

Вечерняя газета мало интересовала Хукера. Борьба политических партий, их лидеры, частная жизнь общественных деятелей, даже живые описания сражений, убийств, внезапных смертей, чем были переполнены газетные столбцы, – всё это было чуждо ему. Равнодушно переворачивал он газетный листок, когда неожиданно на последней странице, между известиями из-за границы, наткнулся на заметку:

Новая комета.

«Женева, Швейцария. Здешняя обсерватория опубликовала исправленные элементы орбиты новой кометы, открытой в истёкшем месяце Баттелли. Они дают основание предсказывать, что новый гость солнечной системы достигнет необычной яркости, превосходя, вероятно, большую комету 1811 года».

Эти строки содержали то, что прямо относилось к профессору Хукеру: кометы составляли его специальность. Большая комета 1811 года была одной из примечательнейших и своим появлением на небе породила в народе опасения, что близок конец мира.

Полная луна сияла над белыми куполами обсерватории, когда Хукер, всё ещё думая о новой комете, входил в здание, где его друг бескорыстно служил человечеству. Впущенный

сонным служителем, профессор прошёл длинный корридор и постучался у двери Торнтон. Не получая ответа, он подождал, опять постучал и затем открыл дверь. Торнтон сидел за рабочим столом, погружённый в вычисления.

Серьёзный профиль астронома в тусклом свете прикрытой электрической лампы походил на голову статуи греческого философа. Пред ним лежала стопка бумаги, покрытой цифрами, и раскрытые таблицы логарифмов. Замурованные внутри большого здания с монументальными стенами, астрономы слышали только мерное тиканье часов и тихое жужжание сложного механизма, движущего телескоп в соответствии с вращением небесного свода. Минуты две Торнтон не замечал присутствия Хукера. Наконец, он отложил карандаш и увидел своего друга.

– А, Бенни! – воскликнул он с лёгким повышением своего обычно спокойного голоса. – Придвиньте сюда кресло. Мы сделали большую работу! Мы получили вчера элементы кометы Баттелли. Если только нет ошибки в моих вычислениях, то можно ожидать мировой катастрофы.

Такое заявление в устах всегда сдержанного Торнтон получало особую значительность.

– Столкновение с Землёй? – живо спросил Хукер.

– Похоже на то: комета встретится с одним из астероидов, и в этом случае...

– Образуется метеорный поток, – закончил Хукер. – Какой астероид?

– Медуза¹, чью орбиту я изучал в течение двух лет.

Хукер сложил губы, как будто собирался свистнуть.

– Чего собственно вы опасаетесь? – спросил он.

– Столкновение остановит Медузу и заставит её упасть на Солнце. Падая, она пересечёт земную орбиту и как раз встретит Землю. Это может означать конец мира.

– А когда же, – воскликнул Хукер, – это событие произойдёт?

– По моим вычислениям, комета и астероид придут в столкновение в три часа утра 18 числа следующего месяца. Придётся сюда наблюдать?

– Я буду здесь, – ответил Хукер. – А теперь, – прибавил он, вынув из кармана записную книжку, – будьте добрым товарищем и решите мне это уравнение.

– О, нет, – запротестовал Торнтон. – Я чувствую себя сейчас черезчур уставшим, чтобы успешно справиться с новой задачей.

Лицо Хукера обнаружило разочарование.

– Но, Торнтон, – протестовал он, – кто же другой, кроме вас? Вы первый математик Америки.

Астроном засмеялся.

– Желал бы быть первым. В данный момент, во всяком случае гожусь только в последние. Голова больше не работает.

– Кто же тогда? – настаивал Хукер.

Торнтон в раздумьи откинулся назад на спинку кресла.

– Рекомендую вам обратиться к профессору прикладной математики в новом Национальном Институте.

– Спасибо! – ответил его друг, пряча записную книжку в карман и надевая шляпу. – Как его зовут?

– Мисс Рода Джибс.

IV

Профессор Хукер встал на другое утро в раздражённом состоянии. Завтрак, не хуже

¹ Астероид Медуза действительно существует (№ 149, открыт в 1875 г.). Это – одна из самых близких к Земле малых планет. *Ред.*

обычного, показался ему, однако, дурного вкуса, и он резко заметил своей соседке по столу, что не поручился бы за качество молока, хотя в рассеянности ел за двоих. Дело было в том, что Торнтон направил его за помощью к женщине!

Прошло более 30 лет с того времени, как в жизни Хукера приняла серьёзное участие женщина. Кроме этой женщины – которая, впрочем, была его матерью – он никогда не любил и не интересовался представительницами слабой половины человеческого рода. Они были в его глазах либо наивные бездельницы, либо тупые труженицы. И теперь он нуждается в помощи этого презируемого пола для решения задачи из области теоретической астрономии! Эта мысль портила его настроение. Он не может идти к *ней*, нет, он не пойдёт...

Перед ним вставал её образ: сухая, с плоской грудью, костлявая особа, с острым носом, и таким же подбородком, с редкими серыми волосами, подслеповатая. Она выслушает его с надменным и покровительственным видом.

Но ему совершенно необходимо решить задачу; она нужна ему для управления Летучим Кольцом. Ещё возвращаясь из Унгавы, он размышлял о возможностях, предоставляемых этой удивительной машиной, которая способна противодействовать силе тяжести. Нет, ничего не остаётся; придётся подавить свои чувства и отыскать эту старую деву – профессора математики в Национальном Институте.

Всё ещё в дурном настроении он поехал в Джорджтаун и спросил у служителя обсерватории, как пройти к профессору. Чем ближе он подходил, тем неприятнее становилась ему предстоящая сцена. Но отступать было поздно, тем более, что служитель довёл его до двери маленького помещения, выходявшего в сад, и постучал.

– Войдите!

Слово было произнесено музыкальным голосом, – словно не сказано, а пропето. С трубкой в зубах, чтобы показать свою невозмутимость, Хукер повернул дверную ручку и открыл дверь.

Между двумя высокими окнами сидела... знакомая девушка в тёмном костюме! Она диктовала что-то стенографу, склонившемуся с карандашом над записной книжкой. Когда Хукер вошёл, стенограф поднялся, и молодая женщина, взглянув на дверь, сказала:

– Доброе утро! – Затем, повернувшись к стенографу добавила: – Вы можете идти, Стеббенс; мне нужно семь копий этой статьи.

Хукер глядел на неё с изумлением.

– Вы профессор прикладной математики? – воскликнул он, когда стенограф ушёл.

– Да, я, – засмеялась она. – Ну, как? Справились с задачей?

– Нет, не решил её, – ответил он, – занялся другой... Затем, вдруг спохватившись, он быстро спрятал свою трубку в карман.

– Пожалуйста, курите! – сказала девушка. – Вероятно, вы не можете и работать без трубки.

– Это правда, – сказал Хукер с благодарностью. – Не пожелаете ли взглянуть на эти выкладки? – Он положил перед нею свою записную книжку.

Девушка задумчиво смотрела на уравнения несколько минут, затем положила перед собой тетрадку и быстро проинтегрировала уравнение на глазах изумлённого Хукера.

– Это, повидимому, задача, относящаяся к всемирному тяготению, – сказала она.

– Да, – ответил он: – я пытаюсь вычислить, как будет возрастать скорость Летучего Кольца (я говорю об аппарате Пакса, который найден мною, вы знаете, в Канаде), когда оно оставит Землю и удалится в мировое пространство. Мне необходимо добиться полного решения задачи. При движении в пространстве знание нашей скорости будет существенно необходимо.

– *Нашей* скорости? Уж не думаете ли вы взять и меня с собой? – шутливо заметила молодая девушка.

– Вас?.. Нет! – запинаясь, сказал Хукер. – У меня не было и мысли об этом. Надеюсь, вы не думаете...

Она прислонилась к спинке кресла и задумчиво смотрела поверх головы Хукера на стену, где висела большая карта звёздного неба.

– А знаете, – сказала она с оттенком мечтательности в голосе, – я иногда раздумывала о безграничных возможностях, которые предоставит ваше Летучее Кольцо тем, кто решится ими воспользоваться. Насколько я понимаю, ничто не может помешать Кольцу двигаться в любом направлении в мировом пространстве. Если вы запасётесь достаточным количеством кислорода, то путешествие на Луну едва ли представит серьёзные затруднения.

– Решительно никаких затруднений! – ответил Хукер. – Нет сомнения, что Пакс имел в виду такой полёт, потому что кольцо в полной мере оборудовано резервуарами с кислородом и тому подобными снарядами. Возможно даже, что Пакс и посетил Луну! Насколько хватит урановых цилиндров для моего двигателя, я могу направить Кольцо куда угодно. Но тут выдвигаются иные соображения. Плавание в межпланетном пространстве дело новое, и как бы я ни старался, я не смогу предвидеть всех возможностей. А если допущу какую-нибудь ошибку...

– То будете захвачены притяжением Луны и Земли и станете обращаться в пространстве вечно.

Хукер сделал длинную затяжку из своей трубки.

– Это было бы новым видом бессмертия, – с улыбкой заметил он.

V

Все сомнения относительно предсказания Торнтона отпали. Тщательные наблюдения и новые вычисления показали с несомненностью, что астероид Медуза наверное прорежет голову кометы, которая сияла уже на ночном небе подобно гигантскому факелу. Никогда ещё не наблюдали такого явления: комета превосходила величиной и блеском знаменитую комету 1811 года. Каждую ночь улицы и площади американских городов были полны толпами народа, наблюдавшего огромный огненный шар с длинным хвостом. Для земного наблюдателя видимый диаметр головы кометы казался всего вдвое меньше диаметра луны.

В противоположность китайцам, обычно старающимся отогнать этого небесного демона самым сильным шумом, какого можно достигнуть человеческими средствами, западный народ смотрел на комету в торжественном, почти благоговейном безмолвии. Впервые сознавалось, что наш мир не может быть защищён от атаки блуждающих небесных тел. Если бы на горизонте появился неприятельский цеппелин, целая эскадра аэропланов мгновенно напала бы на него и уничтожила. Но человечество не располагало средствами вызвать на бой и победить это огненное чудовище, явившееся вестником бедствий из глубины пространства. Все поднимали голову, чтобы целыми часами смотреть на комету, и на другой день жаловались на боль в шее. А газетчики неумолимо шныряли в толпе, выкрикивая:

– Экстренные прибавления! Последние новости о Комете!

Старые, исхудалые люди, седобородые и изнурённые, пережившие военное время, испытавшие превратности судьбы, потёртые жизнью, – выставляли на площадях медные телескопы на обветренных треногах красного дерева. И около них собирались кучки народа, охотно платившего небольшие деньги, чтобы ближе взглянуть на удивительное явление, что-то предвещающее, но что именно – никто не в силах был разгадать.

Через четыре дня после встречи кометы и астероида, которая была заранее предусмотрена астрономами, газетчики выкрикивали на улицах Вашингтона: «Экстренные прибавления!» Вечерние листки сообщали следующие сведения, основанные на вычислениях Торнтона.

Земля будет уничтожена

«22 апреля астероид Медуза встретит нашу планету. Катастрофа неминуема.

Национальная Обсерватория положительно извещает, что Медуза, задержанная на своей орбите столкновением с кометой, падает теперь к Солнцу со скоростью, ежечасно возрастающей. Она встретит Землю не позднее, чем через пять месяцев, считая от сегодняшнего дня. Вычисления показали, что точка встречи будет лежать в Мексике, на широте Томпико, – хотя возможно, что астероид упадёт и в Тихий океан, если встреча случится немного позже предсказанного, либо в Мексиканский залив, если раньше. Взгляды авторитетных учёных относительно непосредственных последствий столкновения сильно расходятся. Одни полагают, что помимо землетрясений, приливных волн и значительных атмосферных возмущений, разрушения ограничатся площадью радиусом не более 500—600 километров. Другие опасаются, что сотрясение уничтожит всю жизнь в большей части обеих Америк и что „брызги“ астероида погребут Соединённые Штаты под слоем расплавленных скал, обломков камней, пыли и грязи, толщиной от нескольких километров в Техасе до нескольких футов в Орегоне. Все сходятся на том, что здания в Соединённых Штатах будут сравнены с землёй, и что атмосферные бури унесут много человеческих жизней на всём континенте.»

«Самый крайний взгляд высказал профессор Кац в Колумбии. Он утверждает, что удар сотрёт земной шар в пыль. Его коллега, профессор Смизерс, объявил, что часть земной поверхности, непосредственно подверженная удару, целиком расплавится и испарится; другие полагают, что сопровождающее удар землетрясение обойдёт вокруг всей Земли и уничтожит жизнь на обоих полушариях. Все согласны в том, что, если не произойдёт ничего худшего, огромная масса астероида пройдёт земную кору на несколько сот километров, суточное вращение земного шара нарушится, его форма также, и орбита земли изменится. Дальнейшие последствия не поддаются предсказанию, но *конец мира близок*».

Цивилизованный мир принял удивительную новость о предстоящей гибели Земли сперва с насмешливым недоверием, затем – с взрывом ужаса. Непосредственная реакция человеческого мозга на эту небывалую катастрофу вылилась в недоверие к её возможности. Ограниченный ум, неспособный охватить бесконечность, отказывался принять какую бы то ни было мысль вне истории человеческого опыта. С того момента, когда человеческий род в порядке эволюции появился на поверхности нашей планеты, её орбита никогда не испытывала катастрофического воздействия другого небесного тела. С того момента, когда земной шар был спущен, как гигантский волчок, чтобы миллионы лет двигаться вокруг центра солнечной системы, и лето неизменно следовало за зимой, а люди рождались, любили, воевали и умирали, – никто не мог воспринять и осознать такую простую истину: если метеорит весом всего в одну тонну может упасть на Землю и раскалённым зарыться где-нибудь в поле, то почему не может обрушиться на неё метеорит в миллион раз больший, или почему другая планета, в несколько раз крупнее Земли, не может разбить наш мир вдребезги?

Короли, императоры, президенты, султаны и раджи со своими дворами, кабинетами и мудрецами обсуждали предварительные извещения обсерваторий Вашингтонской, Пулковской и Гриничской так же, как некогда трактовали предсказания прорицателей о том, что Страшный Суд наступит в такой-то определённый день. Всем хотелось верить, что допущена какая-то ошибка, которую стоит только исправить, – и тогда каждый вздохнёт с облегчением. Но, к несчастью, предполагаемая ошибка упорно не отыскивалась, а дальнейшие наблюдения не только подтверждали прежние, но и устанавливали безусловную точность предвычислений Торнтона.

Соединённые усилия астрономов всего мира были направлены на определение величины и массы падающего астероида и той точки земной поверхности, которая примет удар.

Вскоре было авторитетно возведено, что диаметр астероида не меньше 140 и не больше 250 километров. Если он не будет отклонён от своего пути притяжением Луны или

иной планеты, то столкнётся с Землёй возле Гальвестона (в Техасе) со скоростью 30 километров в секунду. Как отразится это ужасное столкновение на Земле и её движении, невозможно было предсказать с точностью.

Расколется ли Земля на обломки или выдержит титанический удар? Уцелеют ли оба тела настолько, что, проникнув одно в другое, будут вместе вечно обращаться в пространстве? Каков будет результат столкновения для земной орбиты, для климатических условий Земли, для её жизни? Что может произойти в худшем случае – ум отказывался мыслить. В лучшем же случае можно ожидать разрушения самого астероида. При таком исходе его осколки будут лежать на глубине тысяч километров внутри Земли и изменят положение земной оси настолько, что новые условия жизни на Земле сделают невозможным человеческое существование. А самый удар! Может ли жизнь продолжаться после такого сотрясения, сила которого в десятки тысяч раз превосходит самые ужасные землетрясения, известные в истории человечества?

Среди всеобщего переполоха странно прозвучало неожиданное заявление профессора Хукера, что на своём Летучем Кольце он намерен встретить астероид при его падении на Землю. Он предполагал атаковать астероид знаменитым разрушительным лучом Пакса, некогда разрушившим Атласские горы, и либо отклонить его с пути, чтобы он не столкнулся с Землёй, либо вовсе распылить Медузу!

Но заявление учёного о решении полететь в мировое пространство, чтобы поразить небесное чудовище, не могло успокоить всеобщего ужаса.

ГЛАВА II

Летучее Кольцо

I

Бентам Тассифер переживал тяжёлые дни. Он открыл, к своей досаде, что страх уравнивает всех, и что даже достоинство чиновника департамента юстиции имеет малый вес, когда приближается гибель мира. Подобно пятидесяти миллионам граждан Соединённых Штатов, он пытался бежать на «подветренную сторону» Земли, – но все усилия его были безуспешны.

Даже для него, Бентама Тассифера, немыслимо было пробираться из Вашингтона дальше, чем можно проехать на таксомоторе.

Ехать в Нью-Йорк?

Но Нью-Йорк сошёл с ума. Его гавань была запружена пароходами, крейсерами, буксирами, паромами, и все эти суда были уже перегружены напуганными людьми. Тассифер просил, настаивал, приказывал, кричал, что прежде кого бы то ни было должен получить право проезда в Европу. Но места на пароходах продавались по 25.000 долларов. Таких денег у него было. Он пытался было ехать на военном судне, подобно иностранному дипломату, но ему ответили, что весь военный флот получил особое назначение. Он переживал агонию страха. Ему было только 53 года... Умереть столь молодым!

Тассифер нашёл жену за обеденным столом. Он решил принять бодрый вид и представить все дела в шутиливом свете.

– Ну, – спросила она строго, – добились вы чего-нибудь?

– Добился ли? – повторил он. – Ах, вы о проезде? Нет. – А вы всё ещё полагаете, что нужно бежать?

Миссис Тассифер направила на него пару гневных глаз, и губы её вытянулись в тонкую черту.

– Бентам, – почти прошептала она, – не шутите! Вы так же беспокоитесь и так же стремитесь бежать из этой страны, как я, как и всякий другой. Уж не думаете ли вы, что я буду здесь спокойно ждать, чтобы планета упала мне на голову? Мистер Тассифер старался сохранять спокойный вид.

– Я не верю ни одному слову из всего этого, – ответил он, избегая взгляда жены. – Астероид – вздор!

– Никто не считает его вздором. Рода хорошо знает эти вещи, и говорит, что всё это безусловно верно.

– Рода! – Племянница его жены постоянно уязвляла его гордость. Он чувствовал её ясный ум и сознавал, что если бы женщины участвовали в выборах, он не занимал бы своего поста: любая девица, окончившая колледж, вероятно, заступила бы его место.

– Ну, ведь она профессор! – настаивала миссис Тассифер, которая гордилась дочерью своего брата.

– Конечно...

– Рода говорит, между прочим, что профессор Хукер полетит на своей летательной машине и отгонит этот астероид.

– Ха-ха-ха! – засмеялся мистер Тассифер, однако без веселья. – Помешанный лунатик, что спустился на нашей площадке? Вздор!

– Говорят, он удивительный человек.

Бентам взглянул жене в лицо, так как почувствовал под собой более надёжную почву.

– Вчера я был в клубе Космос; там совсем не считаются с этим Хукером.

– А Рода смотрит на него с благоговением, – нервно говорила его жена. – Она, кажется, готова полететь вместе с ним.

– Что! Рода с ним? Незамужняя женщина! Что станут говорить!

– Она об этом и не думает. Она считает Хукера самым необыкновенным человеком из всех, когда-либо живших. Она говорит об «удивительной возможности» путешествия в пространстве.

– Летучие пустяки! Если она полетит с ним, я никогда не допущу её в свой дом, никогда!

– Может статься, что и совсем не будет никакого дома, – угрюмо сказала миссис Тассифер.

– Вздор! – сказал он с вызывающим видом. – Ни во что подобное не верю. Что касается проезда в Европу, то это невозможно. Я справлялся сегодня в военном министерстве. Нельзя добиться места даже на буксире. Миллионеры скупили все места на судах. 25 тысяч долларов за место! Как может бедный человек уехать?

– Я не отчаиваюсь. Я верю, что профессор Хукер сможет кое-что сделать. Любопытно осмотреть его Летучее Кольцо. Рода говорит, что может это устроить. Пойдёте со мной?

– Пожалуй, – процедил Тассифер.

II

Тассифер сказал правду, что члены клуба «Космос» придают мало веры словам Хукера. Большая публика открыто не доверяла ему. Однако, заявление профессора о попытке разрушить астероид возбудило необычайный интерес. План его получил одобрение и поддержку правительства, и Хукер готовился к полёту. Помощниками у него были: инженер Пакса Эттербери и авиатор Борк. С ними он ежедневно совещался, и уже всё было готово, кроме проверки некоторых ответственных вычислений, а также установки новой динамомшины и уранового реактивного двигателя.

Среди немногих привилегированных лиц, которым разрешено было осмотреть его небесное судно, были супруги Тассифер и, конечно, Рода.

В прекрасный весенний день, недели через две после разговора между супругами Тассифер, они с трудом проезжали на автомобиле через толпы народа, окружавшие Летучее Кольцо: всем хотелось взглянуть на знаменитую машину, которая отважится улететь в небесное пространство не для научных открытий, а для того, чтобы изменить путь мирового тела.

Добравшись до ворот ограды, защищавшей Летучее Кольцо, они увидели гигантскую блестящую алюминиевую кольцеобразную трубу, 75 футов в диаметре и 15 футов толщины, с надстройкой, которая проходила через середину кольца.

– Наверху вы видите нечто в роде опрокинутого напёрстка, – объяснял Хукер. – Там, внутри, установлен цилиндр металлического урана; из наклонных труб внизу мы направляем разлагающие лучи на нижнюю поверхность этого цилиндра. Когда лучи ударяют в урановый цилиндр, атомы его взрываются, и продукты разложения вылетают вниз почти со скоростью света. Благодаря этому, создаётся обратное давление, которое поднимает Кольцо, подобно ракете.

– На сколько времени хватает одного такого цилиндра? – спросила Рода.

– Эттербери, инженер Пакса, утверждает, что одного цилиндра достаточно для десятичасового полёта.

– В течение десяти часов можно очень далеко залететь в мировое пространство. Что же, станете вы делать, если цилиндр будет исчерпан?

– Я вычислил, что мы можем достичь скорости свыше 24 километров в секунду уже после часового хода, – ответил Хукер. – Если тогда выключим двигатель аппарата, то инерция движения сможет унести нас на расстояние 80.000 километров в течение следующего часа. Как видите, можно пролететь значительную часть пути, используя лишь один цилиндр.

Сторож подставил стальную лестницу, поднялся по ней и открыл круглую дверь, ведущую в род передней сбоку кольца.

– Это наше наружное отверстие, – объяснил Хукер. – Оно имеет двойные двери. Когда Кольцо находится вне земной атмосферы, внутренний воздух весь вышел бы, конечно, наружу, если бы существовало прямое сообщение с внешним пространством. Вы входите в наружное отверстие с внутренней стороны, закрываете внутреннюю дверь позади себя, открываете другую дверь и выходите наружу, подобно тому, как на дне океана водолазы выходят и входят в подводное судно.

Хукер побежал по ступенькам, подал руку миссис Тассифер, и оба помогли Роде. Она прошла в большое ярко освещённое помещение для карт. Если не считать стеклянных наблюдательных окон в полу, оно ничем не отличалось бы от каюты яхты. Сходство усиливалось тем, что посредине комнаты были расставлены удобные кресла вокруг стола, на котором самым мирным и домашним образом кипел чайник. Борк, – авиатор, который вывел Хукера из пустынь Унгавы, человек весёлого вида, лет 35, – вышел из внутренних помещений и был представлен гостям.

– А как дышать на Луне? – спросила Рода.

– Пока мы не нашли Кольца, я думал, что дышать на Луне невозможно, – ответил авиатор. – Но Пакс всё предусмотрел: в соседней комнате, выше, мы нашли три костюма из плотной резины со шлемами и резервуарами с двойными стенками для жидкого воздуха. Медленное испарение его доставляет свежий воздух внутрь резинового костюма, а избыток удаляется через клапан.

Обе женщины заинтересовались этими «выходными костюмами» нового стиля; поэтому Борк надел такой костюм прошёлся перед ними.

Костюм весил не много и напоминал водолазный, но был менее громоздок.

Миссис Тассифер занялась у чайного стола, а Рода бродила наверху и смотрела через одно из наблюдательных окон во внешней стенке Кольца. Она видела сеть стальных стержней несущих на своём конце цилиндр из желтоватого металла, свободный конец которого был закрыт пластинкой из какого-то прозрачного вещества. Этот цилиндр,

испускающий разлагающий луч, был обращён книзу, но мог быть наклонён по любому направлению в пространстве посредством электрической двигателя, управляемого изнутри Кольца.

Рода с любопытством осматривала все приспособления, которые описывал Хукер. В смежной комнате помещался сложный механизм, управляющий движением Кольца; там же висел двойной гироскоп с взаимно перпендикулярными осями своих тридцатидюймовых дисков.

– Эта пара гироскопов придаёт Кольцу автоматическую устойчивость, – объяснял хозяин. – Они контролируют наклон двигателя. Мы поднимаемся точно ракета, сперва вертикально, пока поток газа идёт отвесно вниз чрез центр машины; когда же мы желаем лететь в горизонтальном направлении на определённой высоте, мы наклоняем цилиндр, и газовый поток идёт в наклонном направлении. Вертикальная составляющая отдачи увлекает нас вверх, горизонтальная – толкает вперёд. Гироскопы действуют на рычаги, управляющие наклоном двигателя, и поддерживают равновесие автоматически. Если бы у нас не было подобного приспособления, наше равновесие нарушалось бы каждой раз, когда какое-нибудь тело проносилось бы вблизи Кольца. Но мы не знаем ещё, как будет работать аппарат, когда мы заметно освободимся от земного притяжения. Может быть, он будет действовать, как бумажный змей без хвоста.

Он спокойно улыбнулся своей спутнице, как будто вовсе не опасался на этот счёт.

Бентам Тассифер был потрясён всем виденным. Подобно большинству юристов, он был невеждой в механике и физике. И вид гениально задуманной машины внушал ему безграничное уважение. В особенности был он увлечён гироскопами; автоматическое действие их давало ему полную иллюзию, что Кольцо может нестись куда угодно.

А комната с малиновыми мягкими креслами, с географическими картами, на которых пунктирные красные линии большими кривыми петлями обозначали маршруты прежних перелётов Кольца – всё это создавало такую картину, будто Тассифер был почётным гостем у адмирала на флагманском корабле; и этим почётом он обязан тому, что приходится дядей профессору...

Объяснения Хукера утомили его, да и воздух был довольно спёртый. То же чувствовала и миссис Тассифер. Рода, подавши знак Хукеру, увела его в контрольную комнату.

– Мне нужно поговорить с вами, – прошептала она. – Где у вас кухня или как вы там её называете?

Хукер провёл её в комнату, выложенную белыми плитками, с газовыми и электрическими печками. Здесь были кресла и стол. Рода уселась и указала Хукеру на другое кресло.

– Я должна поговорить с вами серьёзно, – повторила она.

Обычно мало наблюдательный, Хукер заметил, что она была очень изящна здесь, в этой белой комнате. Если бы все девушки походили на неё! Хукер сел напротив неё и закурил трубку. Странно, он не чувствовал никакой неловкости в её обществе. По уму она была много выше всех членов клуба Космос. А фигура... Его глаза любовались линиями её костюма и сердце его забилося усиленно.

– Вы не должны пускаться в эту сумасбродную авантюру! – твёрдо произнесла она. – Всё ещё есть надежда, что Луна отклонит астероид в сторону. – Он с изумлением глядел на неё. – Да, я думаю так, – настаивала Рода, сдвинув брови. – Конечно, ваша машина очень хороша, хороша в теории. Она полетит. Но ведь она не вернётся!

– Нет, вернётся! – возразил Хукер.

– Вероятность одна против тысячи.

– Пусть так, но отправиться я обязан, – просто ответил Хукер. – Это единственный способ спасти Землю от разрушения. И я был бы худшим из трусов, если бы не полетел. Неужели вы хотите моего позора?

Он остановился. Рода смотрела на него странным взглядом. Её щёки побледнели.

– Нет, – ответила она тихо. – Итак, вы твёрдо решились лететь?

– Безусловно! – Он крепко сжал зубами свою трубку.
Она глядела вниз; щёки её снова порозовели.
– Тогда возьмите меня с собой!
– Вас? Нет! – резко сказал Хукер.
– Подумайте... Разве вы ничем не обязаны мне? Вспомните ваше уравнение! Я должна иметь свою долю в игре!
– Оставьте! – настаивал Хукер, хотя ему и тяжело было отказывать ей. – Ваша жизнь ещё впереди; вы молоды, умны... – Его голос звучал необычно тепло. – И какой смысл? Ведь это небезопасная затея – путешествие в мировом пространстве. Я не могу рисковать вашей жизнью на моей машине. Нет!
– Моя жизнь – моя собственность, не так ли? Я желаю пожертвовать ею ради науки, как жертвуете вы!
– Достаточно и одного из нас, – ответил он с убеждением.
Она подняла свои глаза на Хукера; в них стояли слёзы. Краска разлилась по её лицу до корней тёмно-золотистых волос. Всегда ровная, спокойная, она трогала теперь своей взволнованностью. Ему захотелось положить руку на спинку её кресла. Она улыбнулась ему смущённо, сквозь слёзы:
– Вы правы. Одного из нас достаточно... для *меня*!
В ушах профессора стоял гул, словно тысяча сосен шумели от ветра.
Он понял, о чём она думала всё время. Ему казалось, что он принял порцию веселящего газа – настолько чувствовал он себя возбуждённым и безответственным.
В следующий момент он был уже на коленях перед девушкой, а её руки обвили его шею; лицо Хукера прижалось к её платью; волосы девушки щекали ему уши.
– Вы забавный человек! – говорила она дрожащим голосом. – Забавный, наивный человек. Я не отпущу вас без меня!
Он чувствовал биение сердца сквозь её платье.
– Вы сами наивное существо! Неужели вы думаете, что я пущу вас *теперь*, дорогая?
– Вы должны!
Она подняла его голову и склонила к нему своё лицо.
– Рода! Где вы?
Резкий голос миссис Тассифер послышался из соседней комнаты. Хукер быстро вскочил на ноги и зажёл трубку.
Здесь, тётя! – откликнулась Рода, бросая весёлый взгляд на Хукера. – Я осматривала электрическую печь: смешная вещица!

III

По мере того, как приближалось время отправления Летучего Кольца, на столбцах газет разрасталась яростная борьба по поводу осуществимости проекта Хукера. Авторитетные деятели науки в специальных статьях доказывали, что Кольцом нельзя будет управлять, едва оно выйдет из сферы земного притяжения. Впрочем, нелепо предполагать, что оно может вообще освободиться от влияния земного притяжения. Один выдающийся преподаватель с особенным упорством утверждал, что притягательная сила Земли составляет условие *sine que non* для того, чтобы Кольцо шло в данном направлении. Он доказывал убедительным для него самого образом, что, попавши в мировое пространство, Кольцо уподобится кораблю без руля, так что им нельзя будет управлять, и оно не в состоянии будет ни препятствовать движению других тел, ни само сопротивляться какому-либо внешнему воздействию. Но другой, не менее известный учёный с успехом выступил против него. Он показал, что Летучее Кольцо, очутившись в мировом пространстве, не будет вообще подвержено какому-либо внешнему влиянию, которое изменило бы направление его полёта. Со своей стороны, он был, однако, убеждён, что Летучее Кольцо никогда и не отправится, так как не сможет преодолеть земного притяжения.

Хукер, Эттербери и Борк с улыбкой читали эти статьи и полемические заметки. Они проводили всё время на Кольце, следя за установкой новых приборов, и составляя планы для предупреждения всевозможных случайностей. Чем дольше выжидать (встреча Земли с астероидом была предсказана на 22 апреля), тем меньшее расстояние должно было пройти Летучее Кольцо до встречи с врагом. Поэтому они условились покинуть Землю 20 апреля.

Пока делались все приготовления, великое переселение, подобное разве движению на Запад гуннов и остготов, шло из южной Калифорнии и юго-западных штатов на север вдоль побережья Тихого океана, через пустыни Аризоны и Невады, и на восток чрез Мексиканский залив. Буксиры, баржи, пароходы – всё было переполнено. Сотни тысяч мексиканцев, рудокопов, ковбоев и их семейств бежали от нависшей над ними гибели. Но бежали не только с юго-запада. Большая часть населения северо-западных штатов устремилась через границу в Канаду и Британскую Колумбию. Реки были покрыты флотилиями судов; всевозможные транспортные и даже угольные суда брали баснословные цены. Миллионер, который мог выпросить, занять, похитить или купить самую простую повозку, считался счастливым.

На Востоке, где смятение было немного слабее, миллионы мужчин, женщин и детей – все умоляли о переезде в Европу, куда-нибудь на другую сторону земного шара. В Бостоне, Нью-Йорке и Балтиморе скопление приходящих и уходящих судов было таково, что пассажиры могли переговариваться с одного судна на другое, пока не выходили далеко в открытое море. То же было и в Сан-Франциско. На каждую тысячу людей, проехавших чрез Золотые Ворота, приходились миллионы, которые либо не могли добиться отъезда, либо не имели денег для уплаты за проезд.

А газеты продолжали выходить ежедневно, и даже высказывалось требование, чтобы служба государственная и частная не прекращалась. Но большинство людей было занято выкапываньем погребов в своих домах, чтобы укрыться в них от предсказанного дождя камней и пыли. Многие, однако, вовсе не постигали происходящего. Старики вспоминали, сколько раз бывали они одурачены предсказаниями конца мира. Разве в своё время не писалось в газетах, что Земля пройдёт чрез хвост Галлеевой кометы? И хоть бы кто-нибудь из дежуривших три ночи видел комету! А после того учёные заявили, что столкновение всё же произошло, только никто не заметил этого. Скептики качали головой, утверждая, что такая же шумиха бывала и раньше, и нет оснований так терзаться. Несмотря на уверения этих мудрецов, население Канады увеличилось к 1 апреля на двадцать миллионов человек за счёт Соединённых Штатов.

Недели проходили, и новое зеленоватое светило с каждою ночью сияло ярче. Тогда стали спрашивать друг друга, почему ничего не предпринимается, почему не отправляется Летучее Кольцо.

Равнодушный к этим толкам, Хукер спокойно и тихо делал своё дело, далёкий от какой бы то ни было позы, как новый научный Персей, готовый напасть и поразить звёздную Медузу.

IV

Великий день, величайший в истории человечества, наконец, наступил – ясный и тихий. Ни одно облако не пятнало сплошной спокойной синевы неба. Но кому предстояло действительно заглянуть в дали небесного пространства, так это одному лишь профессору Хукеру. Так сообщили газеты. Они же утверждали, что целью «путешественника в пространстве» (названия «воздухоплаватель», «лётчик», «авиатор» к данному случаю не подходили) было выжидать, пока суточное вращение Земли не приведёт астероид в положение прямо над Летучим Кольцом, – тогда не придётся менять направления полёта. Это должно случиться не раньше полуночи.

Хукер уложил свой чемодан и вместе с Эттербери и Борком рано прибыл на поле, где находилось Кольцо. Механизм был проверен снова в последний раз, провизия запасена. Всё

было готово к полёту. Но полетит ли аппарат? Это был вопрос. Конечно, раньше он уже летал, но полетит ли теперь опять? Нельзя утверждать этого с уверенностью.

Кольцо было поднято на грубые деревянные козлы для облегчения отлёта. Таким путём открывался выход воздушным вихрю, вызываемому извержением газа от двигателя. Стальные щиты, сооружённые кругом Кольца, были убраны, и вокруг машины была раскинута проволочная сеть около полукилометра в диаметре. Это – опасная зона, площадь которой была определена на основании опыта спуска Кольца на площадку для гольфа. К трём часам барьер окружала плотная толпа народа, не меньше четверти миллиона человек. Она терпеливо ждала зрелища, которое видели раньше не больше полудюжины лиц.

В восемь часов тяжёлый автомобиль прорезал толпу и был пропущен сторожами к лестнице, стоявшей под большим цилиндром. Оттуда вышли президент Национального Института Томас, профессор Эвартс из Обсерватории, мистер и миссис Тассифер и их племянница Рода Джиббс с маленькой фотографической камерой через плечо. В наружном отверстии Кольца появился Хукер и приветствовал посетителей одного за другим по мере того, как они поднимались, чтобы проститься с «Колумбом Вселенной», – полуиронический титул, присвоенный газетами профессору Хукеру. Комната карт была отоплена и ярко освещена. Последние экстренные прибавления газет, содержащие «Полный отчёт о приготовлениях к экскурсии в пространство», лежали на среднем столе. А об этих приготовлениях знали во всём мире только три человека! Они так полно проверили каждую деталь всех приборов, так тщательно выполнили все приготовления вплоть до мельчайших подробностей, что оставалось только наглухо закрыть наружное отверстие, передвинуть рукоятку машины, – и полёт начнётся. Какой контраст представляли они в своём спокойствии перед полётом в глубины мирового пространства – с мятущейся толпой людей вне их!..

Посетители после недолгой беседы пожали руки и приготовились к уходу. Часы показывали сорок одну минуту девятого. Отлёт должен был состояться точно в восемь часов пятьдесят минут. Внизу гости остановились и взглянули вверх. Хукер махнул им рукой.

– Счастливого пути! – воскликнул Тассифер. – Возвращайтесь скорее!

Они стали усаживаться в мотор. Хукер, взволнованный последним свиданием с Родой, – он опасался, что это свидание будет последним, – быстро проскочил чрез наружное отверстие в комнату карт. Было восемь часов сорок семь минут – только три минуты оставалось до отлёта... Борк был на своём посту в контрольной комнате.

– Готовы? – спросил Хукер.

– Есть, – отвечал Эттербери.

– Есть, – откликнулся весёлый голос Борка.

Внизу гости уже сидели в автомобиле, кроме Роды, которая стояла ещё на подножке.

– Ах, я забыла отдать фильмы! – воскликнула она. – Не ждите меня. Я только взбегу по лестнице, а потом пробьюсь за вами к воротам.

Шоффер пустил мотор. Перед Родой высилось блестящее алюминиевое кольцо. Лестница была ещё не втянута. Рода проворно взобралась и вошла в отверстие. Дверь в комнату карт была полуотворена, и Рода могла видеть, как Хукер подошёл к двери контрольной комнаты, чтобы спросить, всё ли готово. Отворив дверь настолько, чтобы пройти в неё, Рода присела на пол в тени одного из больших ивовых кресел. Хукер повернулся, взглянул на свои часы, спустился к наружному отверстию, вытянул складную лестницу, затем закрыл и задвинул обе двери. Одно мгновение он стоял под большой лампой; её белый свет оттенял большие впадины под глазами и натянутые линии около губ. Его лицо казалось нерешительным, – но ведь он должен был произнести слово, которое разлучало его с Землёй, быть может, навеки...

– Рода! – прошептал он, не подозревая о её присутствии.

Ей захотелось крикнуть ему, умолять его не пускаться в это сумасбродное, хотя и чудесное, приключение. Но прежде чем она могла говорить, в дверях появился Борк.

– Ну, – сказал он, – всё готово. Чего же ждать?

Хукер сразу встряхнулся, подошёл к окну и посмотрел на небо.
– Там мрачно и холодно...
– Ладно. Отправляемся? – спросил авиатор.
Хукер стиснул зубы и подошёл к рупору.
– Всё в порядке, Эттербери, – сказал он резко. – Пустите машину.

Кольцо стало подниматься

V

Ворота проволочного барьера открылись, чтобы пропустить мотор с Тассиферами, и сейчас же закрылись за ними. Но продвинуться дальше, было невозможно, – толпа возросла до такого размера, что исключалась всякая возможность движения.

– Мы застряли, – ворчала миссис Тассифер. – Придётся здесь остаться... Не позволяйте этим людям взбираться на верх автомобиля, Бентам!

Тассифер заметил пару ног в тяжёлых, покрытых грязью сапогах, висящих над окном мотора.

– Эй вы там, сойдите! – закричал он, ухватившись за ноги и стаскивая их владельца.

Открыв дверку, он взобрался на место шоффера и встал на крышу.

Огромное кольцо неясно виднелось при лунном свете. Высоко в небе, близ сиявшего красным светом Марса, бледным зеленоватым светом горела Медуза. Опытному глазу легко было её найти, хотя она была мало заметным объектом, даже теперь, всего в трёх миллионах двухстах тысячах километров от Земли.

Тупой звук наполнил воздух.

Порыв ветра поднялся из середины поля, унося шляпы, шапки, газеты над головами зрителей. Слабое сияние показалось на вершине треножной надстройки, и жёлтый луч света пронизал Кольцо, ярко освещая деревянные подмостки. Ветер усилился до шторма, воздух наполнился пылью. Почва сотрясалась под напором жёлтого потока, который устремился вниз от цилиндра с гулом, подобным шуму Ниагары. Чрез вихри пыли Тассифер уловил зарево от внезапно вспыхнувших подмостков: большие брёвна и брусья носились по воздуху; всё сооружение, на котором покоилось Кольцо, рухнуло с грохотом и мгновенно развалилось; их обломки были подхвачены и разнесены вихрем, закружившимся от середины аэродрома. Кольцо, лишённое опоры, однако не упало, – оно оставалось парящим в воздухе, затем стало подниматься – сначала медленно и плавно, подобно воздушному шару, потом быстрее, со свистом ракеты. Через десять секунд оно поднялось на сто футов. Спустя минуту оно было на высоте километра. А потом, устремляясь выше и выше, почти исчезло из виду, оставляя за собой светящийся след, как падающая звезда.

Белая масса лиц следила за подъёмом и полётом Кольца, теперь оно со своим жёлтым следом исчезло по направлению к Луне. Его шум был едва слышен даже среди необычайной тишины толпы. Затем всё смолкло: Кольцо на высоте 30 километров вступило в слои атмосферы столь разрежённые, что звук не мог в них распространяться.

В окне мотора появилось лицо миссис Тассифер.

– Как вы думаете, что с Родой? – спросила она мужа.

VI

Не далее как в полутора километрах от места отправления Кольца стоял у окна обсерватории профессор Торнтон, ожидая вспышки света, которая должна показать ему, что Кольцо двинулось в своё небесное путешествие. Он был уже в главном зале и повернул купол так, чтобы отверстие большого телескопа было наведено в том направлении, которое должно было, по предположению, взять Кольцо. Медуза сияла почти в зените; её бледно-зелёный свет отчасти затмевался полной луной, висевшей на небе в нескольких градусах к востоку от астероида. Астроном взглянул на часы. Без четверти девять. Быть может, Хукер не в состоянии полететь во время? Что-нибудь неисправно в сложном устройстве механизма, – неожиданная отсрочка всегда возможна. Или, может статься, Кольцо начнёт полет в направлении, чуть измененно против первоначально предположенного? Профессор вернулся к своему окну, чтобы наблюдать отлёт Кольца невооружённым глазом, заметить его направление и таким образом найти его в поле искателя телескопа.

Торнтон никогда не сомневался в том, что Кольцо полетит. Он знал Хукера и юношей,

и взрослым, около тридцати лет; знал, что он такой же великолепный практик, как блестящий теоретик. И когда Пакс угрожал поставить Землю вверх дном, Торнтон вызвал профессора Хукера из его схоластического уединения на Аппиевой дороге, в Кембридже, побудил его заняться теми исследованиями, которые скоро привели к открытию Кольца на Лабрадоре и обратному путешествию на машине в Соединённые Штаты.

У Торнтона не было сомнения ни в умении Хукера и его помощников управлять машиной, ни в достаточной мощности таинственного луча для разрушения Медузы или какого-либо иного небесного тела. То, чего он боялся, был элемент случайности, всегда вероятный, когда опыт производится в новых условиях. Что ждало их в мировом пространстве? Выполнят ли своё назначение резервуары с жидким воздухом? Каков эффект сложных и разнообразно направленных сил тяготения, которым подвергнется этот новосозданный метеор, когда он выйдет из сферы исключительно земного притяжения? Сможет ли Кольцо повернуться так, чтобы спуститься? В состоянии ли функционировать человеческие органы при столь необычайных, искусственных условиях?.. Но Кольцо полетит! О, да, оно полетит, и его отправление будет зафиксировано плёнкой автоматически движущейся фотографической камеры при большом телескопе.

Обсерватория стояла на вершине невысокого холма, и из окна Торнтон мог видеть, поверх беспорядочного моря крыш, бесцветных в лунном освещении, тёмную полосу, где находился аэродром. Он поднял глаза и всматривался в небо. Перед ним открылось словно поле бледно-синих васильков с рассыпанными по нему маргаритками. Этот огромный тёмно-синий свод вечно казался одним и тем же, если не считать слабых изменений на самих небесных телах, которые Торнтон изучал всю жизнь. Синее, тёмно-синее небо, – и вдруг блеск! Внезапно из тёмно-синего небо стало ослепительно белым. Тишина ночи нарушилась гулом, раздавшимся с аэродрома. Кольцо... Оно поднялось!

Полуослепленный отблеском, Торнтон бросился в главный зал. Напряжённый блеск уже исчез, но через сияющий вырез купола профессор поймал проблеск быстро гаснущей полосы жёлтого света. Он повернул телескоп по направлению к этой полосе: её уже не было там. Наконец, он поймал в искателе сверкающую точку и навёл на неё сетку нитей, но снова потерял – так быстро было движение. В третий раз поймал он её на пересечении нитей, – однако она вышла из поля зрения большого инструмента, прежде чем он успел переменить своё положение. Опасение совсем упустить Кольцо охватило Торнтона. Он знал, что если не удастся уловить его в первые минуты, то безнадежно будет искать его потом.

Вдруг, совсем неожиданно, медленно спускаясь в поле телескопа, блеснул жёлтый луч, направленный прямо кверху. На мгновение Торнтон почти забыл, что телескоп даёт обратные изображения. Он мог отчётливо различить нижнюю поверхность Кольца, освещённую светящимся газом, струившимся под ним, между тем как ослепительное сияние гелиевого луча походило на большой огненный шар в его центре.

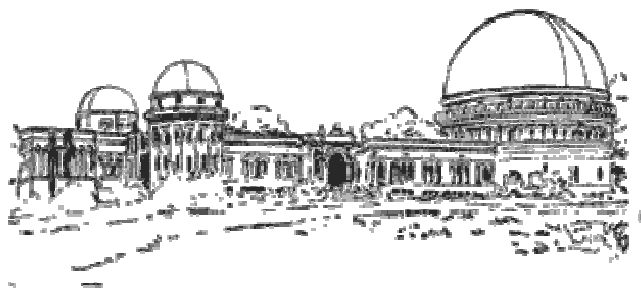
Неужели его старый друг Бенни Хукер с двумя спутниками находятся внутри этого крохотного пятнышка?

Шарик быстро уменьшался. Минуты проходили; истёк целый час, – а Торнтон всё ещё был на своём посту. В девять часов пятьдесят минут он мог видеть лишь слабый пучок бледно-жёлтого света, наподобие едва различимой кометы. Он оценил, что Кольцо будет видно ещё минут пятнадцать.

Внезапно, к его крайнему изумлению, Кольцо начало быстро бледнеть и минут через восемь-десять исчезло. Астроном вытер свои очки и с беспокойством взглянул снова. Не было и следа Кольца. Он взглянул на небо поверх телескопа, – не было ни облачка. Кольцо совершенно пропало в бездне пространства!

– Что это! – подумал он. – Случилось что-то непредвиденное! Они упали!

Он не знал, что Кольцо в этот момент уже несло в небесном пространстве с огромною скоростью, что Хукер выключил двигатель и зависел теперь только от инерции движения своего аппарата. Этот запас движения должен был нести Кольцо в течение всей остальной части его путешествия к другим мирам, навстречу астероиду.

ГЛАВА III Полёт

I

– Пустите машину! – повторил Хукер и быстро пошёл к ближайшей двери.

Рода в своём тайнике за креслом прижалась к полу в смертельной тревоге. Жужжащий звук наполнил воздух. Через открытую дверь освещённой комнаты девушка могла видеть, как стали плавно вращаться жироскопы. Кольцо вздрогнуло, подобно живому существу.

Страх охватил Роду. Быть-может, ещё не поздно открыть наружное отверстие и безопасно спрыгнуть на землю?

Но затем мужество вернулось к ней. Здесь был любимый ею человек, пристально смотревший в окно со странным выражением возбуждения в лице. Здесь она будет вместе с ним, в неземной поездке, между звёздами, в музыке сфер...

Через окно она могла видеть мерцающий жёлтый свет, а извне доносился словно шум выходящего пара. Свет бросал странные тени на лицо Хукера и придавал его чертам мрачный оттенок, снова испугавший Роду. Шум двигателя усилился до оглушительного гула. Пол дрожал. Яркий свет, лившийся извне, затмевал электрическое освещение внутри.

– Бенни! – крикнула она инстинктивно, протягивая к нему руки.

Хукер повернулся к ней, словно увидев призрак.

– Как вы сюда попали?

Она нетвёрдой походкой направилась к нему.

– Я сказала, что отправлюсь с вами.

Хукер обнял её и привлёк к окну.

– Смотрите сюда.

Снаружи бушевал светящийся смерч. Ослепительное облако, освещённое ярко-жёлтым светом, уносилось от основания подмостков. Земля под ними была совершенно окутана облаками; пар пробивался с фосфоресцирующими лучами, словно из отверстия какого-то адского котла. От быстро вращавшихся дисков жироскопов шёл в комнату сквозной ветер, сдувший со стола газеты. Пол затрепетал под их ногами, и зловещий треск донёсся от внешних стен, когда брусья подмостков были подняты на воздух.

– Сейчас всё будет чисто! – крикнул Хукер Роде в ухо.

Она прижалась к нему.

– Что-нибудь повреждено? – спросила она почти жалобно.

– Держитесь крепко у стенки и не сгибайте колен. Мы движемся с довольно большим ускорением.

Шум усилился.

Пол, казалось, стал опускаться под ними. Комната закачалась, потому что Кольцо, поднятое двигателем, колебалось, как пьяное, в течение одной или двух секунд. Затем машина пришла в устойчивое положение; снова ощутилось давление от пола кверху, и вес тел внезапно увеличился. Эти признаки показывали, что Кольцо поднимается.

Рода в своём возбуждении забыла совет Хукера, и вдруг почувствовала, что колени

быстро подогнулись под ней; она очутилась на полу, куда притягивала её невидимая сила. Над ней Хукер медленно взбирался по спиральной лесенке на маленькую наблюдательную площадку, подвешенную к потолку. Там он лёг на спину и стал смотреть в вертикальный телескоп, наведённый на стеклянное окошечко в крыше.

Борк, заметив присутствие Роды, просто кивнул головой и улыбнулся, словно нисколько не удивлённый. Он стоял у своего поста близ бокового окна; рука его лежала на рычаге. Хукер давал распоряжения со своей площадки.

Медуза – голубовато-зелёное светило, бывшее целью их путешествия, – уходила к краю поля телескопа. Направление полёта нужно было изменить так, чтобы изображение астероида коснулось освещённого креста нитей в центре.

– Западнее! – распоряжался Хукер – Ещё! Ещё! Довольно! Слишком много, назад! Немного южнее! Ещё! Так! Всё в порядке!

Он осторожно поднялся на ноги, но, спускаясь по лестнице слишком быстро, свалился вниз, как мешок.

– Чуть не сломал ногу! – ворчал он, потирая ушибленные голени. – Не бегите вниз по лестнице, когда мы летим вверх. Заметьте это!

Рода между тем лежала на полу, полубольная от действия ускорения; она прижималась лицом к нижнему окошечку, наблюдая, как уносилась под ней вдаль Земля. Вначале она могла видеть только ослепительный конус жёлтого цвета, который отбрасывало Кольцо, подобно хвосту огромной ракеты. Потом, заслонив глаза рукой, она стала различать большое, всё расширяющееся кольцо жёлтого тумана; полосы света и тени чередовались в нём друг с другом, а в середине бушевал словно Мальстрем из почвы и обломков брусьев. Затем Роде стало казаться, будто огни города и соседних мест сходятся со всех сторон в одну точку как-раз под нею.

– Двадцать тысяч футов! – восклицал Борк, отсчитывая показания манометра. – Тридцать тысяч!

Хукер ползком по полу добрался до Роды; она схватилась за его руку.

– О, Бенни, – воскликнула она. – Это чудесно! Но я перепугалась до-смерти.

Склонив голову к ней, он смотрел в тёмную бездну удалявшейся Земли.

– Шестьдесят тысяч! – пропел Борк.

Огни Вашингтона слились в бледно-жёлтое фосфоресцирующее пятно. Серебряная нить обозначала течение реки Потомак; далеко к северу другой след светящегося тумана – Балтимора – постепенно входил в первое пятно; а ещё дальше третий и четвёртый – Вильмингтон и Филадельфия. Поверхность Земли при лунном свете приняла холодную синеватую окраску. С востока подходила более густая тень, подобно чёрному занавесу: это море.

– Девяносто тысяч футов! Почти 30 километров, – восклицал Борк.

Через несколько минут всё побережье Атлантического океана развернулось под ними. Нью-Йорк, сильно освещённый, сиял, словно планета. Всё большая часть поверхности становилась видна по мере того, как Кольцо уносилось вверх, за пределы земной атмосферы. Горные цепи сверкали, подобно бриллиантовым ожерельям, а Великие Озёра представлялись более тёмными клочками; всё прочее оставалось смутным и мрачным, как в густом тумане.

– Сто пятьдесят тысяч футов! – нараспев провозглашал Борк. – Манометр больше не действует. Мы вышли из земной атмосферы и вступаем в межпланетное пространство.

II

Мгновение все были безмолвны. Затем Хукер и Рода заметили, что поток гелия от двигателя уменьшается: он принял жёлто-соломенную окраску, а звук ослабел до нежного, едва слышного жужжания.

– Что случилось? – тревожно спросила Рода. – Мы падаем?

– Нет, – ответил Хукер – мы вышли из атмосферы. При отсутствии воздуха нет

сопротивления, нет и среды для распространения звука. Но вы чувствуете тяжесть? Это значит, что аппарат всё ещё идёт ускоренно вверх.

– Как высоко мы теперь несёмся? – спросила она со страхом.

Хукер взглянул на свои часы.

– Прошло ровно двадцать минут с момента нашего поднятия. Снаряд должен лететь со скоростью 12 тысяч футов в секунду; вероятно, мы поднялись теперь уже на полторы тысячи километров от поверхности Земли.

Они молча смотрели в окошечко минут десять или пятнадцать. Потом Хукер вдруг вскочил на ноги.

– Чуть не забыл! – воскликнул он. – Пора натянуть верёвки.

Он поспешно подошёл к соседнему шкафу, вынул несколько свёртков верёвок и начал систематически привязывать концы их к маленьким стальным крючкам в полу, стенах и потолке комнаты по всем направлениям.

– Разве сегодня у вас стирка белья? – шутливо спросила Рода.

– Это наши спасательные верёвки, – ответил Хукер. – Через двадцать минут мы остановим машины и будем лететь дальше по инерции. И тогда трудно будет ходить по комнате без таких приспособлений. Тяжесть не будет больше ощущаться. Вы убедитесь, что для нас не будет ни верха ни низа; если пожелаете двинуться, то почувствуете, что ничто не прикрепляет вас к месту, и вам придётся хвататься за что-нибудь в роде этих верёвок.

Комната приняла такой вид, словно гигантский паук раскинул в ней свою паутину. Верёвки тянулись повсюду – от стола с картами прямо к двери наружного отверстия, к гардеробной и, наконец, к контрольной комнате, где инженер Эттербери точно также натягивал «воздушные пути».

Когда эти меры предосторожности были приняты, все, по приглашению Хукера, поспешно поужинали, предвидя, что позже станет очень неудобно обращаться с тарелками и стаканами. Как только машина будет выключена, прекратится и давление книзу от ускоренного движения Кольца.

– Мы теперь, вероятно, больше чем в 30 тысячах километров от Земли и движемся со скоростью около 11 километров в секунду. Опасность упасть обратно теперь уже миновала, – сказал Хукер.

Он с усилием прошёл к говорной трубе и позвонил в электрический звонок.

– Выключите на время машину! – приказал он Эттербери.

Затем он вернулся к окошку и опять лёг на пол.

– Мы сейчас испытаем новое ощущение, – сказал он.

Пронзительный шум динамомашины быстро упал в высоте тона; пылающий свет гелия под Кольцом медленно бледнел и вскоре исчез. Это и был тот момент, когда Торнтон потерял Кольцо из виду в искателе большого телескопа.

Едва прекратился поток гелия, у всех явилось любопытное ощущение. Давление, которое тянуло их к полу, постепенно ослабело, и тела их стали легче. Хукер положил руки на пол сбоку и, оттолкнувшись, поднялся на всю длину рук. Он легко держался на кончиках пальцев; потом, к изумлению своих спутников, быстро поднял руки, но вместо того, чтобы упасть, медленно вернулся в первоначальное положение, подобно телу взвешенному в жидкости.

– Через мгновение мы ничего не будем весить, – объявил он. – Двигатель ещё работает, но скоро остановится совсем, и тогда – прощай тяжесть!

Не было никакого ощущения движения. Казалось, Кольцо висит неподвижно в пространстве. Подобно обитателям Земли, движущимся в пространстве со скоростью ста девяти тысяч километров в час, путешественники не ощущали своего движения.

– Но почему же мы ничего не будем весить? – спросил Борк. – Разве Земля нас больше не притягивает?

– Конечно, – возразил Хукер. – Земля притягивает, но единственное действие этого притяжения скажется лишь в уменьшении нашей скорости...

– О, я чувствую себя очень странно, – прервала Рода. – Будто лечу в каком-то очарованном сне. Боюсь захворать...

– Не заболеете – успокаивал Хукер. – Ощущение, будто все поддерживающие связи ослабли, через минуту пройдёт.

– Конечно, – вставил Борк. – То же самое ощущается, когда быстро ныряешь на аэроплане или попадаешь в воздушный водоворот. Я часто замечал это.

Хукер оттолкнулся руками от пола и медленно поплыл по воздуху над их головами, пока не ухватился за площадку под телескопом.

– Я хочу взглянуть на Медузу и убедиться, верно ли мы держим направление, – говорил он и в то же время старался поместиться под телескопом. Держа окуляр телескопа между пальцами, он удобно наклонился в горизонтальном положении.

– Мы отошли градуса на два, но это не важно сейчас, – сказал Хукер и, легко оттолкнувшись от телескопа, опять поплыл на спине над головами спутников.

– Что это? – воскликнула Рода, наполовину поднимаясь с кресла. К её удивлению, она также плыла в воздухе и, сохраняя грациозную позу, медленно пристала к потолку, рядом с Хукером.

Борк разразился смехом.

«Вода повисла в воздухе в виде пульсирующей прозрачной массы»... (К стр.53).

– А как вы попадёте вниз?

Рода подвернула платье вокруг лодыжек и махнула рукой Борку.

– Почему вы не идёте сюда к нам?

– Действие и противодействие, говоря словами бессмертного Ньютона, – начал объяснять Хукер – равны и противоположны. – Он дал лёгкий толчок Роде, и оба стали двигаться, пока не ударились легонько о противоположную стенку комнаты. – Удачно? Будь у нас под руками шары и кии, мы могли бы сыграть партию в бильярд трёх измерений.

Борк приложился лицом к окошку и всматривался в бездну пространства, зиявшую под ними.

– Вы пропустите нечто интересное. Спуститесь-ка лучше и поглядите, – крикнул он.

– Но как спуститься? – вздохнула Рода в смущении. – Что мне делать?

– Не то, что вы делаете на Земле, – посмеивался Хукер. – Ухватитесь за спасательную верёвку и отталкивайтесь.

Они вместе медленно влекли себя назад, к столу, с помощью спасательных верёвок и оттуда к окошечку.

Свет от двигателя исчез совершенно, и Кольцо плавало в Стиксовом мраке пространства. Земля, казалось, пропала. На её месте была обширная чёрная твердь, переполненная миллионами сверкающих миров. Было полнолуние, и луна светила, подобно солнцу, над их головами. Лунный свет, не ослабленный земною атмосферой, нисколько не уменьшал яркости звёзд. Получался совсем новый и чудный эффект: тёмный бархатный покров ночи, усыпанный раскалёнными и, казалось, неподвижными точками, мириады которых сияли спокойным, не мерцающим светом.

Прямо под собою путешественники видели нечто в роде огромной чёрной пропасти. Она занимала почти десятую часть неба, и здесь не виднелось ни одной звезды.

– Выключите электрические лампочки, – распорядился Аукер, вытирая платком росу, образовавшуюся на внутренней стороне окошка вследствие страшного холода межпланетного пространства.

Когда глаза привыкли к мраку, все увидели, что большой диск в Млечном Пути был не совсем тёмным, а светил бледно-серым фосфоресцирующим светом. Сквозь этот свет они могли различить очертание материков Северной и Южной Америк. Огромный диск, под ними поглощавший столько света, был не что иное, как тёмная сторона Земли, освещённая Луной.

Несколько минут они в безмолвном удивлении смотрели на далёкий шар. Ни один звук, ни малейшее сотрясение не показывали, что они летят в пространстве. Единственным признаком полёта было постепенное, едва заметное уменьшение диска Земли под их ногами.

– Эттербери должен видеть это – воскликнул вдруг Борк; он пробрался к говорной трубе и позвал инженера. Через несколько секунд появился Эттербери. Едва он вместе с остальными взглянул в окошечко, как показался серебристый свет в форме нежных полос, струившихся с одной стороны тёмного круга Земли под ними. С каждым мгновением струи света росли и становились ярче.

– Что там происходит внизу? – крикнул возбуждённо Борк. – Не горит ли наш старый мир?

– Это, должно быть, солнечная корона, – ответил Хукер. – Мы видели затмение Солнца Землёй. Мы оставили Вашингтон ночью, так что Солнце было позади Земли. Сейчас мы близ края конуса земной тени и скоро выйдем в полный солнечный свет.

– Как чудно! – воскликнула Рода. – Одно это делает поездку восхитительной.

– Глядите, – крикнул Хукер. – Солнце!

Полукольцо сияющего фиолетового света окружало большой диск Земли. Постепенно яркость его увеличивалась, свет перешёл в белый и, наконец, в оранжево-красный. Когда кольцо вышло из конуса тени, край Земли зажёгся ослепительным блеском, чуть показался сверкающий шар солнца.

Воздух сразу потеплел; иней сошёл со стекла окошка. Однако, несмотря на этот свет, небо оставалось чёрным, как в полночь, и покрытым звёздами. Не было атмосферы, поэтому свет не исходил от неба; солнце, плававшее в глубине пространства, не давало никакого освещения внутри Кольца. Только через стекло окна Солнце отбрасывало круглое пятно света на потолке, и пятно это сияло, подобно дуговой лампе. Таким образом комната, в сущности заливаемая лучами солнца, была освещена только тем светом, который рассеивался сияющим пятном на потолке. Солнечные лучи, не встречая на пути никакой поглощающей среды, ударяли прямо в алюминиевые бока Кольца. Температура быстро повышалась и стала почти невыносимой.

– Ох! – вздохнул Борк. – Если так пойдёт дальше, мы растаем.

Спиртовый термометр показывал 89 градусов Фаренгейта.

– Через несколько секунд мы уладим это, – успокаивал Хукер Роду. – Видите эти завёрнутые в сукно круги по стенам комнаты? Это наши охлаждающие приборы. Я только что их открыл.

Температура стала быстро падать, и термометр показывал уже 70 градусов Фаренгейта.

– Вы идеальный хозяин! – воскликнула Рода. – Уж нет ли у вас в запасе содовой

воды?

Хукер засмеялся.

– Нет, об этом я позабыл. Могу предложить лишь стакан ледяной воды, если вам угодно.

Хукер пробрался к охладителю воды, где под краном стоял кувшин. Он отвернул кран, но ничего не выливалось.

– Что же мешает воде вытекать? – спросила Рода.

Хукер улыбался.

– Очень просто: нет силы тяжести.

Он снял крышку с охладителя и наполнил кувшин, зачерпывая воду. Затем он поплыл обратно к Роде.

– Я покажу вам опыт, которого никто ещё не видал. Держа кувшин вверх дном, он ловко освободил его от воды, и она повисла в воздухе в виде пульсирующей прозрачной массы неправильной формы. Постепенно масса перестала биться и собралась в шар.

– Вот что сделало поверхностное натяжение! – воскликнул с восторгом Хукер.

– Как необычайно! – шептала Рода. Выгнувшись вперёд, она приложила губы к плавающему шару и втянула большой глоток ледяной жидкости.

– Самый гигиеничный способ питья, – заметила она, садясь обратно в своё кресло. – В сущности, это кресло для отдыха совершенно излишне, но без него я чувствую себя, как картина без рамы, – прибавила она.

– Сумасбродная обстановка! – заметил Эттербери. – Мы должны быть очень осторожны, не то рискуем переломать себе все кости.

– Надо только посидеть спокойно в течение часа, – ответил Хукер, – пока двигатель снова заработает. А пока я чувствую себя как детский воздушный шар.

III

Внезапно Хукер заметил, что солнечное пятно на потолке несколько сдвинулось, и обратил внимание Роды на это неожиданное явление. Они вернулись к окошку и нашли, что солнце не стояло уже под ними, но отошло значительно в сторону. Прикрывая глаза руками, они могли наблюдать светлый серп там, где раньше был под ними большой чёрный круг. Этот серп сиял синевато-белым светом и раз в 15 или 20 был шире диаметра Луны. Ни Рода, ни Хукер не могли удержаться от возгласа удивления, когда увидели огромную серебряную дугу Земли на чёрном фоне пространства.

– Серп Земли! – воскликнула Рода с удивлением.

– Серп Земли! – откликнулся Хукер. – Точное подобие новолуния. Я полагаю, мы должны назвать эту фазу «новоземелием». Смотрите, вот вся линия Атлантического побережья от мыса Горн до Гудзонова залива: Флорида и Мексиканский залив, Гренландия и область Арктических льдов. Видите облачные валы над Атлантическим океаном и вдоль западного берега Южной Америки? Скорее приготовьте вашу камеру и вставьте телеобъектив.

Камера висела на ремне у Роды чрез плечо; спустя секунду объектив был переменён. С трудом удерживая равновесие, Рода начала манипуляции с камерой.

– Я всё ещё, – жаловалась она, – не могу твёрдо держать камеру. Отсутствие тяжести неудобная вещь: всё кружится...

С помощью Хукера она, наконец, твёрдо установила объектив против окошка.

Пока Рода фотографировала, Хукер порхнул вверх к наблюдательной площадке, чтобы определить направление полёта. К удивлению, он открыл, что Медуза вышла из поля трубы.

– Что-то не ладно! – крикнул он Борку. – Мы уклонились от курса...

– Что случилось? – в то же время закричал Эттербери, выплывая из комнаты ногами вперёд. – Мы несёмся, как слепые с закрытыми глазами. Смотрите, где Солнце и где Земля!

– Они должны быть почти на одной прямой с нами, – ответил Борк со смущённым

видом. – Тут впуталось какое-то новое влияние.

– Мы потеряли Медузу совсем! – ответил Хукер. – Не могу сообразить, в чём дело. Нет сомнения, что мы оставили Землю, сохранив скорость, равную скорости её вращения вокруг оси, плюс скорость её движения вокруг Солнца и наша собственная скорость. Мне думалось, я всё предвычислил, но, как видно, что-то проглядел... Эттербери, пустите машину с половинною скоростью. Я скажу, когда понадобится полная сила. Борк, нужно повернуть Кольцо, чтобы снова направить аппарат на Медузу. Когда пойдём по верному направлению, мы выпрямим двигатель и понесёмся вперёд с полной скоростью. Готовы?

Эттербери кинулся назад в комнату аккумуляторов, и почти тотчас же вновь зашумела динамомашина. С включением динамомашины вернулся и вес тел, но не в такой мере, чтобы стало удобно двигаться.

– Ах, – воскликнул Борк, – хорошо чувствовать себя снова на ногах. Я устал летать, подобно бесплотным духам!

Летучее Кольцо медленно падало к поверхности лунной равнины... (К стр. 62)

По указаниям Хукера он повёртывал рычаг до тех пор, пока Медуза вновь не попала в поле телескопа. Когда светило подошло к центру объектива, Хукер приказал дать полный ход. Шум механизма усилился, а вместе с тем заметно увеличился и вес тел. Полная сила двигателя снова увлекала аппарат к их отдалённой цели. Хукер спустился с наблюдательной площадки и занял место рядом с Родой у окошечка на полу. Очарованные красотой серпа Земли под ними, они почти не замечали, что он постепенно смещается. Внезапно серп совсем исчез из виду.

– Мы не можем управлять Кольцом! – в отчаянии закричал Хукер.

Где раньше видна была Земля, там теперь виднелся огромный диск полной Луны.

В тот же момент Борк испустил крик ужаса.

– Мы уклонились от пути!.. Я смотрел чрез наблюдательное окно на Землю, и она вдруг исчезла!

– Очевидно, Кольцо перевернулось – бормотал Хукер. – Наш курс меняется каждую секунду...

В этот момент у двери появился Эттербери.

– Пускать машины? – спросил он. – Наш урановый цилиндр почти иссяк. Согласно

указателю, израсходовано больше 70 процентов.

– Беда одна не приходит! – воскликнул хозяин Кольца. – Мы несёмся неизвестно куда, быть может вокруг Луны. А наше топливо на исходе! Необходимо вставить свежий урановый цилиндр. Но произвести эту операцию в мировом пространстве – дело рискованное. Придётся высадиться.

– Высадиться? Но где же? – спросила Рода.

– Конечно, на Луне. Она всего в 15 тысячах километров от нас; повидимому, мы несёмся прямо к ней... Поверните рычаг, Борк; начнём медленно спускаться. Положение критическое, но я не вижу другого выхода. Мы можем разбиться, можем и не разбиться. Всё зависит от того, удастся ли ослабить нашу скорость, прежде чем успеем спуститься. Как бы то ни было, нельзя терять ни минуты!

IV

Рода успела уже привыкнуть, правда, к сверхъестественным положениям, но идея Хукера высадиться на Луне казалась ей совершенно невыполнимой. Она много знала о Луне, могла перечислить её горы и так называемые моря, но никогда не относилась к ней, как к реальности. И когда Хукер предложил высадиться на Луне, она не могла овладеть этой мыслью. С Луной она связывала в детстве представление об уборке жатвы, соломенных снопах, свадьбах, зелёном сыре, «человеке на Луне». Такова была Луна её детства. Другая Луна была та, которую она знала в своей астрономической работе: мёртвый мир потухших кратеров, иссохших океанов, мир, изрезанный странными светлыми бороздами и кольцевыми цирками, удалённый на много тысяч километров от Земли и имевший застывший, неизменный облик. Но это словно не была настоящая Луна. Подлинная Луна была старая знакомая: она бросала свой жёлтый свет на унылые, покрытые листьями дорожки, или выходила, как огромный красный фонарь, из блистающего тёмно-синего океана.

– Луна! – шептала Рода.

– Да, – заметил Хукер, – та Луна, что здесь направо вверх. – Он взглянул вверх и нахмурил лоб. – Она должна была быть здесь. Происходит что-то странное. Правьте на Луну, Борк!

Авиатор нажал на рычаг, и Луна сразу выплыла наверху в поле зрения. Но какая Луна! Её поперечник был раз в двадцать больше привычного размера; круглые кратеры ясно различались простым глазом. Её физическое устройство с каждым моментом делалось всё более и более отчётливым.

– Но сможем ли мы высадиться? – протестовала девушка, возвращаясь к их опасному положению. – Найдём ли подходящее место для посадки? Да и машина не управляется...

– Мы должны спуститься! – сказал Хукер твёрдо. – Придётся повернуть Кольцо, чтобы высадиться верхней стороной вверх. Это, конечно, нелёгкое дело, потому что мы должны остановить наши машины приблизительно в расстоянии 160 километров от лунной поверхности, а в настоящий момент скорость наша не меньше 16 километров в секунду.

– Но можно ли сейчас, в пространстве, повернуть Кольцо?

– Это можно, наклоняя двигатель под его наибольшим углом. Теперь сила притяжения действует на нас крайне слабо; поэтому Кольцо будет вращаться около своего центра инерции так, что подведёт Луну под нас. Тогда мы выпрямим двигатель и пустим его полным ходом, чтобы скорость наша медленно уменьшалась. Как только дойдём до известного расстояния от Луны, мы уменьшим скорость Кольца и начнём падать на Луну под действием её притяжения.

– А пробовали ли когда-либо выполнять этот поворотный манёвр? – спросила она.

– Ни разу. Но мы должны его выполнить и сумеем сделать. Эттербери, пускайте машину полным ходом, а Борк, приготовьтесь к повороту. Ухватитесь за верёвки, Рода. Как только двигатель пойдёт, наш вес восстановится.

Рода бросила последний взгляд на Луну, сиявшую на тёмном фоне неба над её головой, ухватилась за спасательные верёвки и закрыла глаза. Кольцо задрожало в унисон с жужжанием машин. Борк отвлёл рычаг как можно дальше. Луч гелия шёл с таким наклоном, что почти задевал внутреннюю поверхность Кольца. Огромный аппарат медленно перевернулся в пространстве. Хукер приложил лицо к стеклу на полу, смотрел, как Луна скользила по его полю зрения. Когда Луна очутилась под ними, он приказал Борку выпрямить двигатель. Снова луч направился через центр Кольца, и путники почувствовали давление пола на их ноги.

Скучившись у окошка, пассажиры внимательно рассматривали огромный шар под ними. Диаметр его непрерывно увеличивался. Через двадцать минут диск покрывал уже половину поля зрения. Ещё через десять минут его края вышли из поля телескопа. Кольцо спускалось прямо на Луну. Отвесно под ним лежал огромный круглый кратер Коперник, освещённый холодным светом. Блестящие полосы тянулись от его склонов. Внутри вала, концентрично с ним, возвышался меньший кратер, на дне которого сверкало несколько ярких точек. К югу расходились широкие серовато-жёлтые, словно покрытые лавой, равнины. Над видимой поверхностью Луны там и сям простирались континенты крайне неправильной формы. Их береговые линии были изрезаны самым причудливым образом, напоминая контуром норвежские и шведские берега. Кольцевые валы больших гор высились в обоих полушариях, северном и южном. Большая часть из них были, повидимому, кратеры потухших вулканов, и каждый сиял своим цветом.

Преобладающая окраска кратеров и морей, или окружающих равнин, казалась серой, смешанной с зелёной или коричневой. Но тут и там некоторые из них светили синеватым светом, а свет других был резко красный или зелёный. Видимая величина кратера Коперника непрерывно росла, и Хукер мог определить, что Кольцо находится менее чем в 3,200 километрах над этой горой. Лунная поверхность приближалась с ужасающей скоростью, и Хукера начинало брать сомнение, смогут ли они остановиться во-время.

– Если не сможем остановить Кольца, мы погибнем, – сказал он. – Нам следовало перевернуть аппарат раньше. Теперь уже поздно что-либо предпринимать. Мы слишком близки к Луне, чтобы уклониться в сторону и пронестись мимо. – Он посмотрел на часы. – Если двигатель разовьёт полную силу и поддержит её ещё пять минут, мы будем спасены.

Он поспешил в машинное отделение.

– Эттербери, прибавьте ход!

Инженер взглянул на него со страхом.

– Мы достигли предела; индукторы накалились.

С чувством беспомощности Хукер возвратился к Роде. Она лежала на полу; её лицо было прижато к стеклу. Учёный нагнулся к ней, и она прильнула к нему, как испуганный ребёнок. Оба с тревогой смотрели вниз через окошко. Жёлтая поверхность Луны, сверкая, как груда алмазов, неслась к ним навстречу. Через несколько секунд Хукер отвернулся от стекла.

– Всё кончено... Прощайте, Борк!...

Борк, неподвижный у рычага, не отвечал.

– Мы идём тише, идём тише! – закричала внезапно Рода. – Смотрите на кратер под нами. Он больше не увеличивается!

– Вы правы! – крикнул Хукер в восторге. – Мы парим. Есть надежда спуститься! Борк, выключите машину!

– Есть, – ответил Борк, выключая реостат.

Кольцо висело над обширной скалистой равниной. Мелкие кратеры покрывали её, как кусты; она была изборозжена трещинами и щетинилась зубчатыми гребнями и пиками. В солнечном сиянии равнина казалась ослепительно белой, словно снежной; нельзя было смотреть на неё без боли, и Рода принуждена была отвернуться.

Кольцо медленно падало к поверхности равнины. Прямо внизу виднелся лесок зубцов.

– Держитесь дальше от него! – закричал Хукер. – Если мы спустимся тут, мы посадим

Кольцо на один из этих зубцов. Вон там хорошее место: круглое ровное пятно, немного левее.

– Положитесь на меня! – весело отвечал Борк, наклоня двигатель.

Почва медленно скользила в сторону, и вскоре Кольцо уже было вне опасности, над гладким местечком, которое словно было приготовлено для спуска.

Ближе и ближе поднималась к ним лунная равнина. Луч гелия теперь ударял прямо в поверхность Луны и поднимал большие облака белого тумана. Кольцо спускалось, и туман совершенно окутал его. Ничего уже не было видно. Путешественники находились не больше как в 200 футах над поверхностью. Внизу и над ними крутились облака белой пыли.

Стоя на цыпочках, они крепко ухватились за спасательные верёвки. Казалось, прошли века. Вдруг Кольцо ударилось с таким шумом, словно большой молот обрушился на котёл. Но сотрясение, против ожидания, было слабое.

– Прибыли! – объявил Борк с улыбкой. – Станция Луна. Всем выходить!

ГЛАВА IV На Луне

I

– Прибыли. Всем выходить! – весело повторил Борк. – Приготовьтесь к таможенному досмотру!

Путники посмотрели друг на друга с недоумением. Только сотрясение и шум удара, когда Кольцо коснулось поверхности Луны, показывали, что они перестали двигаться в пространстве. Никаких других признаков не было. Кроме того, дверные отверстия были застланы редкими облаками белого тумана, а окошки совершенно затемнены.

Итак, они на Луне!.. Не безумный ли это сон? Слишком много надышались плотного воздуха или что-нибудь в этом роде? Полно, да полетели ли они? Не сидят ли они всё ещё на подмостках Вашингтонского аэродрома, вздымая облака пыли своим старым пропеллером? Одно мгновение Рода была убеждена, что они вовсе не улетали с Земли. И эта иллюзия продолжалась бы, если бы Хукер не обратил её внимание на то, что облако дыма внезапно рассеялось; как камень, упало оно на поверхность Луны, где нет атмосферы, которая могла бы его поддерживать. Небо стало чистым и тёмным, как в зимнюю ночь. Окно снова

приобрело прозрачность. Отчётливо и резко видна была в него поверхность Луны, сверкая под ослепительными лучами солнца, подобно пустыне в полдень. Но что эта за пустыня!.. Кольцо лежало в центре небольшой круглой равнины, окаймлённой блистающей скалистой стеной. Это был некрупный кратер, какой можно видеть в большой телескоп с Земли. На некотором расстоянии вокруг Кольца мягкая пористая порода, составлявшая почву, была глубоко разрушена потоком газа, исходившим от двигателя. Большие борозды и трещины расходились во все стороны от места высадки. Кругом кратера поверхность была неровная; зубцы и пики всевозможных величин и вида возвышались на ней, подобно сталактитам на дне пещеры – причудливая работа стихий...

Там и сям любопытные насыпи и холмы представляли странные очертания. Казалось, что тут были сборные места, «Камни Совета» лунных жителей, словно какими-то неземными чарами также обращённых в камни. В мятежном беспорядке лежали всюду огромные глыбы и плиты. Пылкому воображению Роды чудилось, что это – начатые лунными обитателями постройки, приостановленные стихийной катастрофой...

В расстоянии каких-нибудь девятисот футов поднимался высокий уединённый зубец. Одна сторона его освещалась солнечными лучами, ничем не смягчёнными; другая была окутана абсолютным мраком. Везде по равнине были в беспорядке разбросаны камни, и вся она была покрыта мягкой белой каменной пылью.

Мрачное зрелище! Казалось, словно из кладбища, залитого белым лунным светом, безмолвно протягивались к небу чьи-то исполинские пальцы. Роду охватила дрожь. Живут ли тут люди? Сомнительно. Бродят ли здесь, в лунных пустынях, какие-нибудь странные животные? Веяло ли некогда дыхание жизни среди этих мрачных скал? Пели ли тут когда-либо птицы, жужжали ли и ползали насекомые? Быть-может, на неподвижной пыли найдётся отпечаток чей-либо ноги?

Борк бесцеремонно прервал размышления Роды.

– Нельзя терять времени, – объявил он весело. – Урановый цилиндр нашего двигателя почти исчерпан. Он никогда раньше не работал до полного истощения, и мы переоценивали его долговечность – это наша серьёзная ошибка. Автоматический сигнал начал действовать, когда израсходовано было 90 процентов. Смотрите! Осталось только два процента... Мне не нравится идея смены цилиндра во время полёта. Надеюсь, костюмы с сгущённым воздухом оправдают себя. Скверное дело, если будет не так. Конечно, следовало бы испытать их раньше в пустоте, но у нас сейчас слишком много дела.

Он прошёл через комнату карт и, открыв шкаф в дальнем конце, вынул три костюма. Они были простого покроя, изготовлены из плотной резины, с медными шлемами в роде водолазных. При каждом костюме был цилиндрический резервуар с сгущённым воздухом.

Борк и Эттербери сразу надели свои костюмы. Хукер только-что собрался одеваться, как заметил выражение ожидания на лице Роды.

– Мне нужно ещё кое-что сделать внутри Кольца, – сказал он. – А вы вместе с другими поглядите, что творится кругом.

– О, благодарю! – воскликнула Рода. – Мне так хочется посмотреть, на что похожа Луна.

Мужчины успели уже надеть свои странные костюмы, и когда Рода оделась так, как требовали лунные условия, все четверо покатали большой цилиндр урана к наружному отверстию: Эттербери закрыл внутреннюю, непроницаемую для воздуха дверь Кольца. Они стояли, скучившись в узком пространстве у выхода из Кольца, подобно водолазам в колоколе. Разговаривать нельзя было. Все думали об одном: они готовились произвести опыт, какого до них не делал ни один физик – погрузиться в совершенную пустоту.

Эттербери сделал вопросительный жест, остальные кивнули в ответ своими шлемами. Он предостерегающе поднял руку, а другую руку положил на клапан внешней двери и сильно нажал его вниз. Воздух, бывший между дверьми, со свистом вышел через клапан в пространство. Костюмы заметно вздулись от упругости внутреннего воздуха. Путешественники стояли без движения в течение нескольких минут, чтобы свыкнуться со

странной обстановкой, и делали друг другу гримасы сквозь стёкла своих шлемов.

Вдруг Рода вздрогнула: что-то порхало и трепеталоверху шлема, как будто большая птица машет крыльями. Девушка повернулась к Борку. Он в ответ улыбнулся и показал на клапан над своим шлемом. Рода вспомнила, что он объяснял ей, каким образом выводится испорченный воздух изнутри шлема и на его место вводится свежий из резервуара. Дрожаниеверху шлема объяснялось действием этого необходимого приспособления.

Эттербери открыл внешнюю дверь и спустил металлическую площадку, на которой висела стальная лестница. С некоторыми затруднениями, благодаря неуклюжему костюму, оба спустились на туфовидную поверхность Луны. Рода с любопытством смотрела на них сверху. Кроме того, что раздулся её резиновый костюм, Рода не испытывала никакого нового ощущения. Дышала она легко и спокойно, и солнечный свет прогревал её насквозь.

Внизу Борг и Эттербери забавлялись опытами над силой притяжения Луны, столь малой сравнительно с напряжением тяжести на Земле. Одним скачком перепрыгивали они через 15 – 20 футов, подобно горным козам, скачущим со скалы на скалу. Привыкнув к потере веса, они забрались на большой тренажник Кольца и стали налаживать блок и канаты, чтобы поднять на вершину новый урановый цилиндр и возобновить исчерпанный источник энергии.

Для Роды было ясно, что эту операцию можно выполнить и во время полёта Кольца. Но она задрожала от ужаса, подумав об этом. Ведь пришлось бы взобраться на внешнюю сторону Кольца, несущегося со скоростью 30 километров в секунду! Правда, этой скорости никто из них не может чувствовать, – но что если бы кто-нибудь из них упал? Он неотступно следовал бы за Кольцом в его междузвёздном путешествии; он двигался бы с той же самой скоростью, как и аппарат в момент его падения, и ничто не могло бы изменить их относительного положения. Подобно спутнику, он летел бы рядом или позади аппарата до тех пор, пока двигатель не стал бы работать снова, – и тогда спутник остался бы один в бездне пространства... Здесь же, на Луне, можно было безопасно сделать своё дело; к тому же, урановый цилиндр весил теперь в шесть раз меньше, чем на Земле, и с ним легко было управляться.

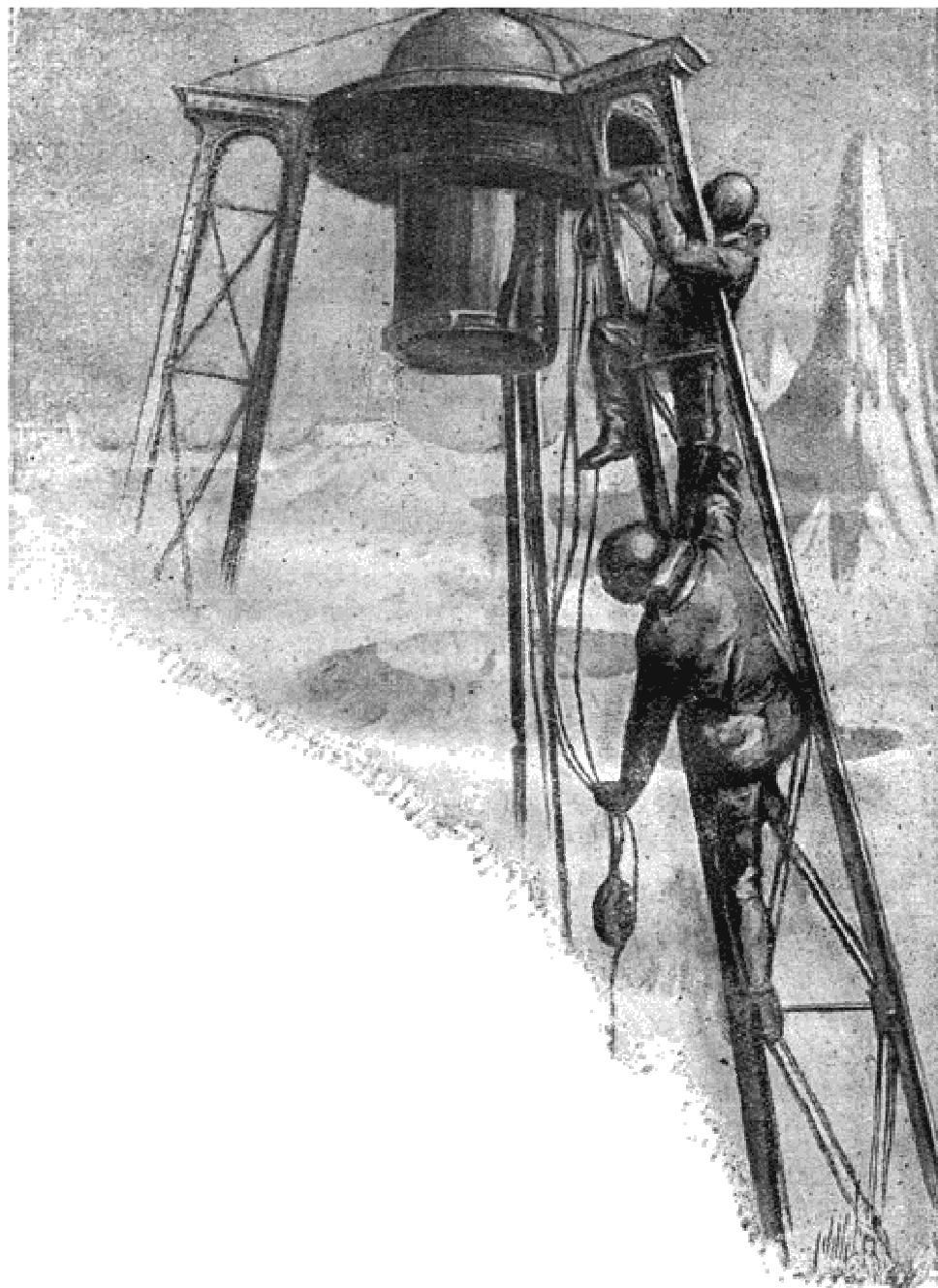
Рода опустилась, чтобы пройти по поверхности Луны. Сначала она шла осторожно, пока не приспособилась к своему уменьшенному весу. Всё кругом казалось остатками погибшей цивилизации лунных жителей. Исполинские монолиты лежали, брошенные здесь и там, рядом с мощными глыбами пористого камня, словно колонны и ступени лунного храма или жертвенники неведомому божеству.

Большой уединённый зубец, замеченный Родою ещё из окна каюты, особенно возбуждал её любопытство. Он казался совсем недалёким. Рода сфотографировала его, а затем решила подойти к нему ближе, чтобы определить причину образования сталактитов под открытым небом. Все предметы были видны с неземною отчётливостью, – белые, как снег, на световой стороне, и чёрные, как смоль, на противоположной.

На чернильно-тёмном фоне неба солнце светило, как через щель в крыше тёмного чердака. Куда падали солнечные лучи, там всё сияло ослепительно ярко, но в тени стоял мрак Стикса. Роде казалось, будто она гуляет по полю лавы при полном лунном освещении.

Каждый шаг Роды был от 4 до 8 футов. Она быстро дошла до равнины, где, подобно величавому минарету, возвышался зубец. Взойти на него было нетрудно, потому что с одной стороны был отлогий скат. Девушка легко взобралась на вершину и уселась на самом гребне. Под ней лежало Кольцо, и его окна блестели жёлтым светом. Сфотографировав его, Рода стала смотреть в другую сторону. Насколько хватал взор, везде поверхность рябила от кратеров, больших и малых. Они были окружены кольцом зубчатых скал с щетиной остроконечий и зубцов. Живо припомнился попавшийся ей на морском берегу белый высохший панцирь морского ежа с редкими щетинками. В той стороне, где по положению солнца должен быть север, высилась горная цепь, позади которой Рода мельком видела белый верх высокой горы, – вероятно, Коперника. Думая, что эта горная цепь не дальше нескольких километров, девушка решила попытаться сфотографировать одну из

великолепнейших лунных гор.

II

Читатель, вероятно, помнит, что в тот самый вечер когда Летучее Кольцо отправилось в своё путешествие, Бентам Тассифер на Вашингтонском аэродроме взобрался на крышу автомобиля. Когда Кольцо улетело, мистрис Тассифер спохватилась, что нет её племянницы. Высунув голову из окошка автомобиля, она обращалась ко всем вообще и к мужу в частности, спрашивая, что случилось с Родой.

– Как могу я знать? – с раздражением отвечал муж, внимание которого было снова обращено к земле. – Как могу я знать? Она вернулась было к этому аппарату и, полагаю, сумеет пробраться назад через толпу.

– Хорошо, но я желаю знать! – возразила жена. – Не все же отличаются таким слабым сознанием своей ответственности!

– Ба, – сказал про себя Бентам. Он чувствовал себя бесконечно выше своей супруги,

сидя спокойно над её головой. Не только расстояние между ними, но и присутствие учёных джентльменов несомненно имели задерживающее влияние на её язык. – Ворчливая старая женщина! – бросил он и стал искать сигару у себя в кармане.

Как-раз в этот момент чувства толпы излились криками удивления и возбуждения. Несколько минут многотысячная толпа сдерживала дыхание. Она боялась, что улетающая струя света остановится и упадёт, едва кто-нибудь заговорит, и магические чары нарушатся. Но вот Кольцо исчезло из виду в тёмно-синем зените и не упало обратно. Толпа выразила своё удивление и восхищение могучим, далеко слышным криком. Каждый, повернувшись к соседу, стал уверять, что всегда верил в профессора Хукера и в его Летучее Кольцо. Можно смело поставить последний доллар за то, что всё кончится благополучно. Тассифер сидел на крыше автомобиля один, и ему не с кем было поделиться.

Он с гордостью сознавал и свою долю участия в этой экспедиции, словно был по отношению к ней приёмным отцом. Ведь он первый увидел Кольцо на площадке для гольфа и протестовал против спуска. Далее, он приходится по жене дядей Роде Джибс, которая помогала в необходимых вычислениях для полёта Кольца. Наконец, он лично посетил Кольцо и простился с его пассажирами всего несколько минут тому назад. Он был один из немногих! Он мог бы даже полететь вместе с ними, если бы пожелал поддаться убеждениям.

Присваивая себе столь необычайное значение. Тассифер взирал на толпу с величественною снисходительностью. Все стали мало-по-малу расходиться, толпа редела. Шоффер дал свистки. Между мотором и проволочной сеткой, окружавшей Кольцо, почти не было людей. Но Роды нигде не видно!

Тассифер задумчиво почесал себе нос. Племянница никак не могла выйти из проволочной ограды, не заметив автомобиля. Это физически недопустимо. Но куда же она исчезла? Внутри аэродрома полдюжины сторожей и рабочих собирали в кучу брусья развалившихся подмостков. Быть-может Рода убита или ранена падавшими обломками? Нет, было бы найдено её тело. Тассифер всё более и более удивлялся. Рода должна была находиться либо внутри ограды, либо вне её, – размышлял он. Внутри её нет. Вне – она не могла очутиться без того, чтобы либо он её, либо она его не увидела.

Тассифер внезапно хлопнул себя по ноге, издав возглас удивления, смущения и гнева. Угрожающе подняв правый кулак по направлению к Млечному Пути, он проворно спустился на землю и просунул голову в открытое окно мотора.

– Она так и сделала! – крикнул он.

– Что сделала? – спросила мистрис Тассифер.

– Улетела с ними! Туда, вверх! – Он широким жестом указал в направлении полёта Кольца. – Я рад, что она не моя племянница... Шоффер, поезжайте!

III

Рода быстро шла по направлению к гребню лунных гор. Через двадцать минут она подошла к стене непроходимых скал; стена неожиданно спускалась в обширную впадину. Повернув назад, она заметила, что пик, на котором она сидела, скрылся из вида. И нигде не было видно Кольца. Поражённая исчезновением пика, Рода без оглядки побежала назад по равнине в полном убеждении, что бежит по верному пути. Но нигде не было даже следа Кольца.

Оно исчезло! Тут Рода припомнила слова Хукера, что запаса воздуха в их цилиндрах хватает немного больше, чем на час времени. Она взглянула на свои часы: прогулка длилась уже дольше 45 минут. Оставалось всего пятнадцать минут, чтобы успеть вернуться к Кольцу. Только четверть часа жизни в этой враждебной обстановке. Ужасная смерть от задушения ожидала её...

Пот выступил у неё на лбу. Смерть... Такую смерть мог вообразить только Эдгард По.

Уже чудилось ей, что дышать становится трудно. Солнечный свет, казалось, потускнел. Что это? Звон в ушах? Нет, это дрожал выводной клапан над шлемом. Её стон отдался в

шлеме, как рычание какого-то лунного зверя.

Больная от страха, она повернулась и стала взбираться на скалистую сторону кратера, пока не поднялась на его вершину. Нигде ни признака Кольца! Видна только равнина, покрытая трещинами и зубцами, с белыми каменными склонами. Слёзы жалости к самой себе жгли глаза, стекали по щекам, проникали в рот. Её, конечно, уже ищут. Какие муки испытывает любимый человек, разыскивая в подзорную трубу в этой мёртвой пустыне движущуюся тень дорогого существа!..

Она стала сдерживать дыхание, чтобы сберечь остатки воздуха. Пятьдесят минут уже прошло, как она оставила Кольцо. Быть-может, оно совсем недалеко отсюда, и треножник скрыт от её беспокойного взгляда кривизной лунной поверхности. Только десять минут жизни! Как провести их? Тщетно стараясь убежать, как бык на бойне? Бесполезно! Лучше остаться тут, где друзья смогут, в случае удачи, заметить её в подзорную трубу. Клапан вверху шлема бился еле слышно. Оставалось уже восемь минут... Семь минут! Необходимо дать сигнал, чем-нибудь махнуть, платком, что ли. Машинально Рода стала искать свой карман, но рука нащупала лишь жёсткую поверхность резинового костюма. Девушка взобралась на глыбу сожжённого порфириного камня и дико взмахнула руками. Вокруг словно проказой изъеденные утёсы, белеющие кряжи – точно кости мёртвых! Зубец нагнулся к ней... Она умирает... Может-быть, уже умерла? Женщина, которая умерла на Луне! Женщина на Луне, явившаяся из летательной машины...

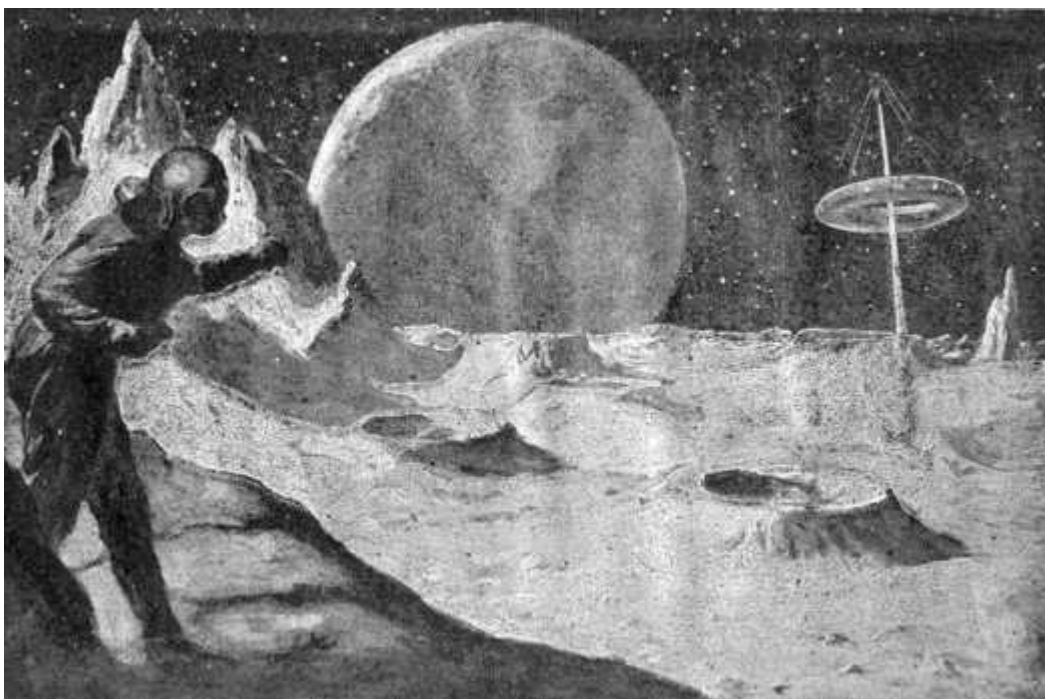
Клапан вздрогнул в последний раз; зрение затуманилось... потом прояснилось, – и ослепительный свет зажёгся перед ней. С подавленным криком Рода почувствовала, что она стоит, а перед нею блистающий огненный луч вонзился в тёмный фон неба. Кольцо! Оно поднялось, как ракета, как раз перед нею. Его бока сверкали, словно расплавленный металл; машина, казалось, повисла на мгновение над головой и быстро упала вниз, к ней. Едва осознавая, что делает, девушка поставила камеру впереди и нажала грушу, чтобы получить снимок летящего Кольца.

Камера выскочила из её вытянутых рук, и Рода пошатнулась. Кольцо спускалось медленно, подобно огненной птице – лунной птице Рок в Долине Смерти. Скорость падения машины уменьшилась отдачей «луча», скользившего сверху вниз по гористой равнине и вздымавшего большие облака и гейзеры лавы. Они подымались высоко и падали почти мгновенно назад на поверхность: падение в пустоте. Ни звука, ни ветра. Уж не обман ли это чувств, а не реальное явление? Шатаясь, шла Рода к этому подобию хаотического существа. Она знала, что только там сможет она поддержать свою жизнь и получить самое необходимое для человеческого существования – кислород. Успеет-ли она? Уже ощущалось ужасное давление на лёгкие; девушка дышала, как изнурённое животное, частыми и короткими вздохами. Сильная боль в голове, звон в ушах, спазмы в горле... Лунный ландшафт плыл перед нею, словно она глядела в воды освещённой луной реки. Но вот он внезапно пропал. Рода вошла в густое облако тумана, поднятое Кольцом, когда оно коснулось поверхности. Жёлтая пыль горных пород обволакивала её, как вихрь песка. Она плыла, как рыба в полосе взмученной воды. Внезапно пыльный вихрь опустился к её ногам, и она упала навзничь близ Кольца. Стальная лестница спускалась с площадки, и одетая в резину фигура готовилась сойти с неё. Рода слабо взмахнула руками; фигура тоже взмахнула рукой в ответ на её жест. Через момент Борк, спустившись вниз, приставил свой шлем к её лицу.

– Положите ваши руки мне на плечи, – услышала она дрожащий звук телефона. – Где вы были?

Она ясно слышала это, но ответить не могла. Борк поднял её с почвы Луны. Как она легка! Борк был встревожен. Живое ли существо внутри резиновой брони, или он держал пустую оболочку? Но вдруг он почувствовал, что её рука прижимается к его шее. Вспомнив, что тяжесть на Луне значительно меньше земной, он проворно вскарабкался вместе с ношей на лестницу. И как-раз во-время! Едва он закрыл за собой внешнюю дверь Кольца, всё заволочлось туманом пред Родой, и она упала без сознания. Спустя несколько секунд она

пришла в себя, когда Хукер, отвернув и сняв с неё шлем внёс её бледную, но живую, в комнату карт.

Кольцо поднялось, как ракета... (К стр. 71).

– Я следил за вами с вершины треножника, – объяснил Эттербери, когда девушка передала ему обратно выпитую рюмку виски. – Я видел, как вы подымались на пик. Но затем вы исчезли, и я стал тревожиться. Как только мы закончили нашу починку, мы решили направиться за вами.

– Вы пришли во-время. Ещё пять минут, и было бы слишком поздно, – ответила девушка слабо. – Однако, я сделала большую прогулку.

– Без сомнения, – прибавил Хукер. – Мы опасались, что у вас не хватит воздуха, и вы погибнете. Поэтому мы предприняли небольшой полёт в том направлении, куда вы пошли, чтобы на всякий случай быть ближе к вам и чтобы Кольцо было вашим путеводителем. Теперь наш двигатель снова в исправности, и мы готовы лететь к Медузе, как только позавтракаем.

– Или пообедаем, – поправил Борк.

– Или поужинаем, – прибавил Эттербери.

Рода слабо улыбалась.

– Пусть кто-нибудь объяснит мне, какое сейчас время дня, – жалобно попросила она.

Хукер пожал плечами.

– День и ночь на Луне продолжается по 354 часа, почти в 15 раз дольше наших земных суток.

– Вот как! – воскликнул Эттербери. – До чего же доходит подённая плата на Луне? Не желал бы я быть предпринимателем в этом мире!

– Да, если рабочие потребуют 300-часового дня.

– Я предполагаю, что селениты завтракают в 177 с половиной часов, – шутила Рода.

– Это, должно быть, здешний полдень, – согласился Хукер. – И вероятно, здесь пьют чай около 244 часов, а ужинают около 319 часов.

– Я чувствую голод, когда думаю об этом! – заявила Рода. – Как обстоит дело с чаем?

Она посмотрела на свои часы.

– Боже, вот уже почти девять часов, как мы покинули Вашингтон.

– И пролетели всего только 400 тысяч километров! – проворчал Борк.

– И ещё не разделались с Медузой! – воскликнул Хукер.

– Однако, мы отвлеклись от чая, – настаивала Рода. – Будьте добры, мистер Эттербери, позаботьтесь о нём!

Пока чайник кипел на столе, Рода и Хукер стояли у окна и в последний раз обозревали лунную поверхность. Но они смотрели без интереса и удовольствия на низвержевые монолиты, остроконечия, гребни и кратеры. Рода отыскала руку Хукера.

Я с ужасом думаю, – прошептала она, – что могла умереть там, в этой Долине Смерти!

Хукер пожал её руку, такую тёплую теперь и такую холодную несколькими минутами раньше.

– Да, – ответил он. – Но разве Луна с этим сверкающим светом и тёмно-бархатными тенями не прекрасна? Никогда не увидим мы ничего подобного, если только, разумеется не отправимся на Луну вторично.

– А вы заметили, – прервала Рода, – что солнце кажется здесь совершенно неподвижным?

– Это потому, что сутки тут так долги, – ответил он. – Движение солнца было бы и на Земле едва заметно, если бы наши сутки были в десять раз длиннее, чем теперь.

– Зато какие тут ночи! – воскликнула Рода.

– Не длиннее, чем близ земных полюсов, – продолжал Хукер. – Земля стоит всё ещё на

том самом месте, где мы видели сейчас её большой серп, близ Солнца. Когда Солнце опускается к горизонту, Земля нарастает, подобно Луне, видимой с Земли, и достигает половины диска при заходе солнца. Потом, в течение долгой лунной ночи, она, нарастая, становится полной чрез семь или восемь дней после солнечного заката. Затем она опять убывает, доходя до половины диска чрез неделю, при солнечном восходе. Если бы мы высадились на другой стороне Луны, Земля была бы совсем невидима. Будь на той, противоположной стороне селениты, они никогда не увидели бы Земли, своей луны.

– Разве лишь перешли бы на эту сторону, – вставила Рода.

– Хорошо бы подождать солнечного захода и увидеть Луну в земном освещении, – заметил Хукер.

– Чай подан! – объявил Эттербери.

Вскоре все собрались кругом стола.

– Бьюсь об заклад, что мы первые люди, которые пьют чай на Луне! – воскликнул Борк.

ГЛАВА V Атака

I

– Пора отправляться, – объявил Хукер, взглянув на часы. – Мы пробыли на Луне более двух часов, а Медуза движется быстро.

Рода подошла к окну и взглянула в него.

– А где теперь Медуза? – спросила она.

– Под нами, – ответил Хукер. – Мы находимся на той стороне Луны, которая обращена к Земле. Астероид же по другую.

– Мы скоро увидим эту другую сторону Луны, – воскликнула Рода, – ту сторону, которая никогда не видна с Земли!

– Боюсь, что мы не много на ней увидим, – сказал Хукер. – Теперь почти полнолуние, и другая сторона Луны будет в темноте. Пустите машину, Эттербери; сначала медленно. Приходится сниматься с поверхности без подмостков, это труднее.

Борк занял своё место у рычага. Кольцо дрожало в такт колебаниям машин. Густое облако пыли поднялось вокруг них и осколки скал выбивали громовую зорю о нижнюю поверхность машины. Грохот и шум росли с каждой секундой. Гигантский луч упал на лунную почву и вырыл в ней огромную выемку. Луч стал ярче, и аппарат внезапно поднялся из хаоса в солнечный свет.

Опять всех сильно притянуло к полу, – значит, аппарат двигался с значительным ускорением. Путники снова были в мировом пространстве, готовые вступить в небесный поединок и поразить Медузу своим сжигающим копьём.

Поверхность Луны сияла под ними, подобно необитаемым развалинам среди песчаной пустыни. Рода могла видеть всю равнину, бывшую ареной её приключения. Сердце её забило, когда она отыскала зубец и гребень, где ещё так недавно считала себя погибшей. В 50 или 60 километрах севернее поднимался сверкающий конус Коперника. Впадины окружающих его кратеров, трещины и долины сияли волшебным фосфоресцирующим светом – красноватым, сапфировым и зелёным.

Луна теряла свою металлическую окраску и приобретала мягкий блеск. С каждым моментом открывались новые красоты – огромные кольцевые горные цепи, сверкавшие, как бриллианты; странные заливы, словно высохшие моря, прежние острова и архипелаги; неровные трещины и борозды, сияющие снежной белизной; клочки серовато – жёлтого цвета, подобные осенней листве лесов: огромные пики до 20 тысяч футов вышины, с геометрически правильным округлым контуром, кольцевые цирки – ослепительный мир несказанной красоты, мир Луны! И как быстро уносился он прочь!

– Мы достаточно высоко теперь, я думаю, – сказал Хукер. – Надо обойти Луну с другой стороны, откуда мы сможем лететь прямо к цели.

Борк постепенно наклонял двигатель, а Хукер наблюдал поверхность Луны в подзорную трубу. Манёвр надо было выполнить с большой осторожностью. Воздушный клапан, контролировавший наклон гелиевого луча и обеспечивающий горизонтальный полёт кольца на известной высоте над поверхностью почвы, не годился для Луны, где не было атмосферы. Нужно было регулировать движение на глаз.

– Нам необходимо всё время подниматься, – сказал Хукер, внимательно наблюдая кратер. – Мы не можем судить о нашем подъёме, когда находимся над тёмной частью. И было бы скверно, если бы мы стали спускаться, сами того не зная. Так, теперь хорошо! Держитесь!.. Кратер делается меньше.

Сияющая поверхность Луны быстро скользнула под ними в то время, когда Кольцо облетело вокруг неё. Оно пролетело над Морем Спокойствия, дно которого серое, покрытое лавой, блестело в солнечном свете, подобно чёрному стеклу. Свет так быстро играл на неровной коре, что вся поверхность казалась движущейся, подобно воде, струящейся при лунном свете. Проскользнула изрытая область беспорядочно набросанных скал, и в отдалении открылся большой серый бассейн – Море Кризисов.

Кольцо приближалось теперь к той линии лунной поверхности, где солнце заходило. Это легко можно было заметить по длинным теням вулканических конусов под Кольцом. На далёком горизонте появилась тёмная стена, где освещённая поверхность резко обрывалась на чёрном фоне неба. Всё ближе надвигался тёмный занавес, усеянный по краю бесчисленными блестящими пятнами и точками.

– Светораздельная линия, терминатор! – крикнула Рода. – Смотрите... свет заходящего солнца там, на вершинах горных пиков! Видали ли вы когда либо такую красоту?

Обширная светящаяся равнина внизу медленно уходила от них и суживалась в большой светлый серп; у самого края его сияло солнце. Кольцо находилось теперь над тёмной стороной Луны – стороной, всегда отвращённой от Земли, стороной, которую не видел ещё ни один человеческий глаз. Комнату заливал солнечный свет, проникавший через боковое окошечко.

– Невозможно ничего различить при таком свете! – заметил Хукер, прижимая лицо к стеклу и защищая глаза руками.

– Подождите минутку, – сказала Рода. – Я поищу чёрной материи, вы накинете её на голову.

Она не успела кончить, как картина изменилась. Свет пропал, словно на солнце надвинулась грозовая туча, и одну или две секунды путники были в полной темноте. Борк ощупью искал коммутатор электрического освещения.

– Что случилось? – тревожно спрашивала Рода. – Мы падаем? – Она протянула в темноте руку и ухватилась за руку Хукера. – Ошибка?

– Нет, – успокоил её Хукер, – мы вступили в лунную тень, только и всего. Дайте машине немножко подняться, Борк. Не открывайте света. Всё в порядке.

Путники снова почувствовали давление ног на пол; это значило, что они поднимаются. Хукер вглядывался в мрак; но ничего нельзя было различить, и он потребовал света.

– Теперь вернёмся к нашему направлению, – заметил он, взбираясь на площадку под телескопом. Наблюдая в верхнее окно, он видел зеленоватый шар астероида почти над головой. Ага! – сказал он, устанавливая телескоп по фокусу, он значительно подвинулся, пока мы были на Луне.

Все черты поверхности астероида отчётливо рисовались в трубе и с каждой минутой становились яснее.

– На что он похож? – спросила Рода.

– На грецкий орех, – сказал Хукер. – Я вижу большое пятно, совершенно гладкое, как раз в центре диска, и сотни причудливых щелей и борозд расходятся от него во все стороны.

Сказав «прости» Луне, Рода стала смотреть вверх через окно над её головой. Астероид

заметно увеличивался. Через час он увеличился почти вдвое. Казалось, он язвительно улыбался и сиял мрачным серым светом. Жуткое чувство охватило Роду. Серп Земли подошёл к быстро исчезающему горизонту Луны и висел, как серебряная мишень перед снарядом. И снаряд этот, если не прервать его полёта, неминуемо уничтожит Землю. В случае удачи наши путники могут предотвратить эту катастрофу. Их «охота» была бесспорно величайшая из всех когда либо предпринимавшихся. Сумеют-ли только они поймать свою небесную дичь и доставить её вниз?

– Пора приготовиться, – объявил Хукер со своей наблюдательной площадки. – Борк, поворачивайте!

– Есть, – ответил Борк. Его пальцы лежали на рычаге.

– Пустите машину, Эттербери, – распорядился хозяин Кольца.

Сияние гелиевого луча ещё раз брызнуло из центра машины.

Борк повернул контрольный рычаг, и весь огромный аппарат медленно перевернулся. Затем машина остановилась, и снова наступила тишина.

Медуза была теперь величиной с полную Луну, тогда как подлинная Луна уменьшилась. Через окна можно было видеть Солнце, Луну и Землю, окружённые миллионами звёзд на чёрном фоне. Ниже их висела Медуза – небесный корабль, который они должны были взорвать.

– С какого расстояния мы откроем огонь? – спросила Рода. – Я полагаю, чем ближе мы пойдём, тем сильнее будет действие луча.

– Нисколько, – ответил Хукер. – Расстояние, с которого пускают луч, не имеет значения, если только лучи сосредоточены на том предмете, который нужно разрушить.

– Как далеки мы теперь от Медузы?

– Судя по видимому диаметру астероида, в расстоянии около полуторы тысячи километров. Мы атакуем её на достаточной дистанции, чтобы избежать опасных последствий радиоактивного взрыва на её поверхности.

– В особенности потому, что Медуза, как предполагают, в значительной части состоит из урана, – согласилась Рода. – Конечно, вы знаете, что произойдёт, когда луч ударит в Медузу?

– Нет, – ответил Хукер, – всё зависит от природы её вещества. Если Медуза представляет чистую урановую руду, то взрыва не будет, но произойдёт радиоактивное извержение на поверхности, которое столкнёт астероид с его настоящего пути. Если же на нём имеются другие вещества, то они будут сметены. Диаметр Медузы около 240 километров. Едва ли мыслимо, чтобы наш луч мог совершенно её раздробить... Теперь Медуза находится уже в пределах уязвимости. Я думаю, пора действовать.

Через стекло можно было различить, что одна сторона астероида пестрела впадинами и кратерами, подобно Луне. Другая же сторона, не подвергавшаяся действию плотных газов кометы, была почти гладкая, лишь изрезанная бороздами. Кольцо двигалось параллельно Медузе, которая парила, повидимому, без движения в пространстве на расстоянии не меньше 800 километров. И астероид, и Кольцо, увлекаемые притяжением Солнца и Земли, неслись на самом деле оба к Земле.

Трое мужчин занялись приготовлениями к атаке. Через боковое окошко струились бледно-жёлтые лучи астероида.

Кольцо и Медуза неслись бок-о-бок; астероид казался теперь раз в 50 больше Луны.

Чудовищной и зловещей представлялась планета Роде, и она невольно вздрогнула, подумав о далёкой цели полёта этого снаряда, – о Земле с миллионами беспомощных человеческих существ, обречённых на гибель в мировом пожаре. Смогут ли предотвратить эту гибель четверо человек, заключённых в летящем металлическом Кольце и дерзающих остановить мчащийся мир?..

С момента своего появления на Земле человечество придумывало пути и средства для борьбы с силами природы. Настоящий случай отличался от других, в сущности, только масштабом. Эволюция защиты от сил природы идёт неизменно вперёд, от каменного века,

когда доисторический человек искал убежища в пещерах, до настоящего момента, когда люди собираются удалить с дороги планету, стремительно несущуюся через солнечную систему.

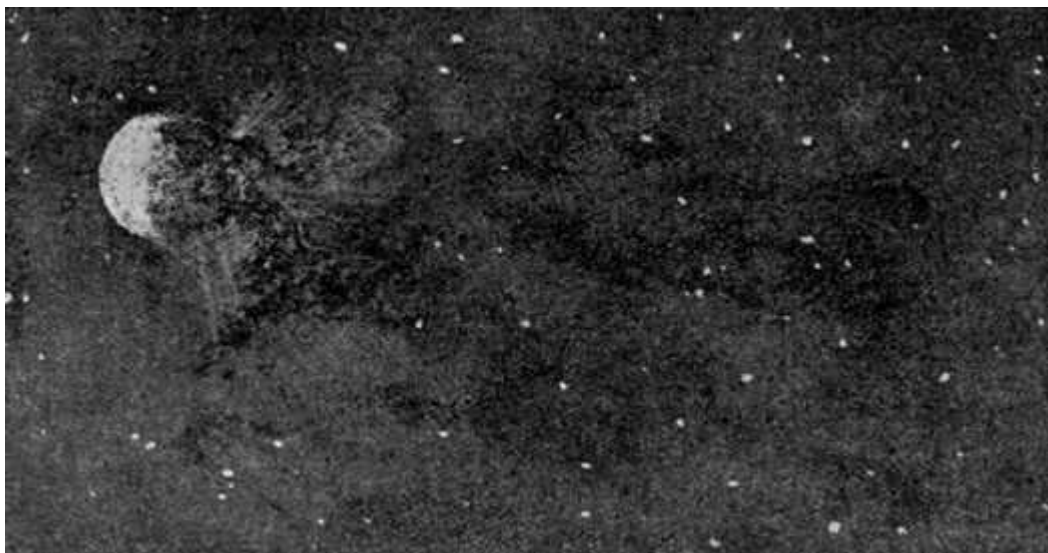
Впереди, снаружи окна, обозначалось могучее оружие атаки, источник разлагающего луча, нового вида лучистой энергии. Через несколько минут таинственный луч будет брошен через пустое пространство. Рода будет свидетельницей того, что произойдёт. Уже доносится шум машин, посылающих электрический ток в обмотки индукторов. Обе динамо-машины работали с полной скоростью, и визг радиотурбин заполнял воздух. В этом грохоте Рода услышала голос Хукера:

– Готовьтесь!

Пробежал мимо Борк и занял место у распределительной доски. Отсюда он управлял моторами, приводившими в движение индуктор. Рода пристально смотрела на чёрный металлический цилиндр, вращавшийся на раме не дальше 15 футов от её головы. Ей захотелось по-женски защитить лицо рукой.

– Всё готово! – сказал Хукер. – Цельтесь, Борк!

Борк остановил мотор, управляющий движениями цилиндра. Огромный цилиндр, подобно осадной мортире, медленно повернулся на своих цапфах. В контрольной комнате Эттербери стоял у большой медной стрелки. Через неё можно было направить ток полной силы в обмотки и пустить луч.

Светящееся извержение на Медузе превратило планету в огненный шар

Наконец, настал момент электрической казни Медузы – кульминационный пункт путешествия. Пассажиры Кольца казались спокойными, но у всех усиленно бился пульс. От взмаха руки Эттербери зависело существование человеческого рода на Земле. Путники безмолвно глядели друг на друга. Хукер улыбнулся странной, нерешительной улыбкой и отвернулся от окна, через которое наблюдал астероид.

– Можете действовать!

Рода увидела, как Эттербери повернул стрелку, и услышала жужжание переменного тока в обмотках индуктора.

Минута... Две минуты... Повидимому, никакого результата. Наружная сторона индуктора стала тёмно-красной, потом накалилась до-бела. Не видно было никакого луча; но он уже вышел и прорезал бездну пространства.

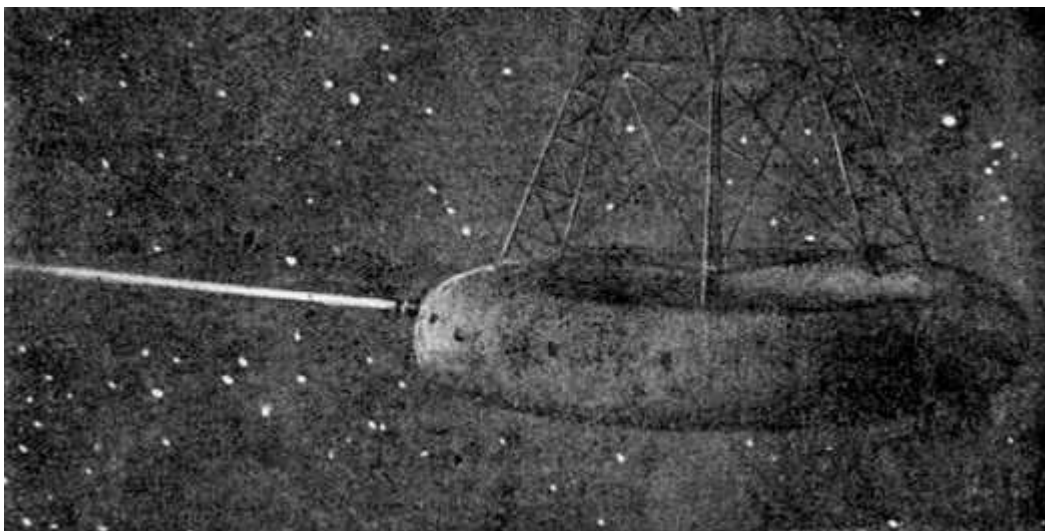
Внезапная вспышка света блеснула по одну сторону астероида.

– Низко!.. Слишком влево! – распоряжался Хукер. – Мы поймали астероид. Разрушение начинается...

Борк нажал маленькую кнопку, и цилиндр снаружи Кольца медленно закачался на

своей оси. Почти мгновенно тусклые брызги жёлтого огня появились на тёмной стороне астероида и вылетели в пространство.

– Прекрасно! – крикнул Хукер. Рода, следите!

Луч прорезал бездну пространства...

Мало-по-малу светящееся извержение на Медузе усиливалось, пока планета не превратилась в огненный шар. Исполинские полосы жёлтого света, подобно лучам северного сияния, тянулись от поверхности астероида; губительный луч сверлил его опять, и вскоре весь астероид был охвачен вулканическим извержением. Под безжалостным напором луча поверхность астероида начала разрушаться, и сверкающие массы раскалённого газа уносились в пространство. Казалось, будто загорелись и пылают во мраке склады пороха в безопасном расстоянии от зрителей.

Неожиданно среди мрака появился вокруг астероида поток ярких движущихся точек. Они неслись по всем направлениям, стремительно увеличиваясь, и чертили яркие следы по небу. Медуза отвечала на атаку! С поверхности планеты извергались по всем направлениям обломки скал и камней. Они наполняли пространство пылающими снарядами, нёщими смерть смелым пассажирам Кольца. Одни из этих раскалённых обломков мелькали мимо окон Кольца, сверкая без взрыва, другие же, сталкиваясь между собой, взрывались, подобно далёким ракетам.

Небо прорезывали по всем направлениям пёстрые падучие звёзды, зелёные, пурпуровые, синие, оранжевые, жёлтые, красные, лиловые – калейдоскопическая картина невиданной красоты и ужаса. Казалось, неведомый полубог вытряхнул в пространство свой горн, и пылающие угли рассыпались по небу. Миллионы бомб со всех сторон взрывались вокруг Кольца. Но Медуза уже начала отступать: её диск явно уменьшался. Продолжать бомбардировку значило бы без надобности подвергать Кольцо опасности.

– Ну, ей, кажется, досталось от нас! – заметил Борк. – Она спасается бегством.

Хукер распорядился прекратить ток. Горение астероида окончилось так же внезапно, как началось. Вулканические бомбы продолжали ещё летать мимо них, но гораздо реже, и пассажиры вздохнули свободно. Они были в безопасности!

Их дело сделано. Земля спасена.

Они могут возвратиться.

II

Возвратиться... Легко сказать это, – так же легко, как легко было подняться с поверхности Земли помощью радиоактивной энергии. Но когда перед путниками встал вопрос об обратном полёте, явились затруднения, о которых они раньше не думали.

Они летели параллельно движению Медузы, а следовательно, неслись прямо к Земле. Она висела в небе гигантским серпом ослепительного иссиня-белого света, и сквозь туман атмосферы чётко рисовались её океаны и материки. Путешественники могли наблюдать вращение Земли так же ясно, как движение минутной стрелки по циферблату часов. Луна не представляет подобной картины: она висит в небе почти без вращения на оси.

Земля оживлённо вращалась на оси, и каждая точка её экватора пробегала по 1600 километров в час, т. е. двигалась приблизительно со скоростью пушечного ядра. Как же высадиться на неё? Это было потруднее прыжка циркового артиста на быстро вертящийся стол.

Когда они покидали Землю, они участвовали в её вращении вокруг оси. Направляя полёт Кольца в пространстве, они учитывали это вращение, как мореплаватель принимает в расчёт прилив или течение. Но теперь им придётся спуститься на шар, вращающийся со скоростью в десять-пятнадцать раз больше скорости быстреего поезда экспресса.

Через наблюдательное окно был виден серп Земли, который, казалось, закрывал всё небо. Борк нажал рычаг, и Кольцо понеслось через пространство к невидимой чёрной стене земного диска, заслонявшего звёзды.

Ближе и ближе; Кольцо погрузилось в мрак. Теперь только свет звёзд указывал путь Кольцу, подобно тому как, плывя вдоль берегов, руководятся далёким огоньком мыса. Кольцо поднялось и вырвалось на полный солнечный свет. Оно было сравнительно близко от Земли. Двигаясь возле неё, Кольцо приобрело скорость обращения Земли около солнца. Но оставалась задача спуска, задача серьёзная. Как погрузиться безопасно в эту крутящуюся массу газа, которая проносилась с такой быстротой, что казалась одним сплошным пятном?

Когда они достаточно приблизились, пятно распалось в летучие гряды облаков и несло, играя то сверкающими лучами, то быстрыми тенями. Вися в пространстве, путники с ужасом наблюдали этот головокружительный бег Земли с запада на восток. Удастся ли проникнуть в окружающую Землю атмосферу, уцелеет ли Кольцо, не разлетится ли оно в куски?

– Надо выключить двигатель и снижаться постепенно, – сказал Хукер. – А там положимся на счастье.

Борк повернул Кольцо. Все стали у окошка. Под ними гряды облаков неслись с быстротой, в тысячу раз большей скорости волчка.

Ближе и ближе вздымались к ним облака. Нежный журчащий звук наполнял воздух – ветер! Они вступили в наружные слои земной атмосферы. Звук постепенно усилился до визга, наконец до гула. Кольцо задрожало. Шум возрос до ярости урагана, и путники едва могли слышать друг друга. Они осторожно спускались, то увеличивая подъёмную силу двигателя, когда движение облаков казалось слишком быстрым, то ослабляя, когда скорость оставалась постоянной. Кольцо мало-по-малу приобретало скорость шторма и мчалось вместе с атмосферой. Облака под ними неслись всё медленнее, наконец, стали неподвижны. Кольцо прорезало воздушную оболочку Земли и проникло в нижние слои атмосферы. Кольцо плавно летело через море перисто-кучевых облаков. Внезапно облачная пелена разорвалась, и внизу открылся залитый солнцем океан, избородженный волнами.

После бесконечных далей небесного пространства гребни волн казались в грозной близости. Кольцо поднялось на более безопасную высоту над волнами. Вдали, на западе, у горизонта виднелся горный пик, и к нему Хукер направил машину. Поток излучения подымал в море вихри воды, выбрасывал в воздух большие гейзеры пены и пара. Горный пик всё рос, и скоро показался берег зелёного острова с разбросанными на нём белыми домиками.

– Файал!² – закричал Эттербери из контрольной комнаты. – Я там бывал!

– Подальше, берегитесь судов! – распорядился Хукер. Описав широкую дугу, они

² Один из Азорских островов.

оставили остров далеко к югу. Рода заметила впереди небольшое чёрное пятно, от которого шёл тёмный дым.

– Это, вероятно, пароход! – крикнула она. – О, спустимся немного: мне так хочется опять увидеть человеческие существа!

Борк засмеялся; Кольцо нырнуло, как ласточка, и скользнуло почти на высоте полукилометра над поверхностью океана. Пароход был под ними. Палуба кишела народом, и в трубу можно было рассмотреть, как матросы спускали спасательные лодки.

– Что они думают о нас? – обратилась Рода к Хукеру, видя что Борк оставил свой пост.

– Борк передаёт им по беспроводному телеграфу, чтобы они не пугались, – объяснил профессор.

В это время Борк вернулся.

– Это «Саксония», – сказал он. – Капитан объяснил, что узнал нас, приготовить же спасательные лодки приказал потому, что боялся луча. Какое направление нам теперь взять? Лететь чрез Флориду и вдоль берега, или на Новую Шотландию и потом к югу?

Был одобрен последний маршрут, и Борк взял направление по компасу. Они позавтракали, так как солнечный свет и морской воздух возбудили у них аппетит.

Кольцо поднялось на высоту почти 5 километров. Белые гребни волн растаяли, и теперь только дым обозначал места пароходов.

III

Возвращаясь со службы, Бентам Тассифер зашёл по привычке в клуб, где он проводил блаженные минуты после службы. Он совсем позабыл и про исчезновение племянницы, и про столкновение блуждающего астероида с Землёй.

По заведённому порядку он прямо подошёл к буфету и с наслаждением выпил неподслащенного хереса. Вдруг он увидел своего товарища по гольфу Джедсона.

– Смотрите, – сказал ему приятель, – что-то случилось с этой кометой.

– С кометой? Вы хотите сказать с астероидом. Что же с ним случилось?

– С ним покончено.

– Что вы говорите? Каким образом?

– Разве вы не читали газет? Слушайте же, – сказал Джедсон, поднимая газетный лист, лежавший на буфете. – «Экстренное добавление. Столкновение астероида с Землёй»...

Тассифер выхватил газету из его рук. Он прочёл:

Столкновение астероида с Землёй предотвращено.

Полный успех экспедиции Хукера. Медуза стала спутником Земли.

«Есть все основания утверждать, что профессор Хукер и его отважные спутники выполнили свою удивительную миссию – отклонили падающий астероид от его пути к Земле таким образом спасли человечество от уничтожения. Профессор Торнтон из Национальной Обсерватории получил сегодня утром телеграмму от одного астронома-любителя на Гонолулу который сообщает, что спустя 70 часов после отправления Хукера в экспедицию на Летучем Кольце, он заметил вспышку жёлтого света кругом астероида Медузы. Свет этот расширился и становился ярче почти в течение пяти минут. Затем он внезапно исчез, уносясь прочь от планеты, подобно клубу дыма. Никакого следа этого явления не наблюдали ни на Ликской обсерватории, ни на обсерватории горы Вильсон в большой стодюймовый телескоп. Это объясняется неблагоприятным положением астероида низко у горизонта на западном небе. Все другие большие обсерватории были в это время на дневной стороне Земли.

Далее, профессор Торнтон сообщает, что наблюдения над положением Медузы, произведённые в последнюю ночь на различных европейских обсерваториях, согласно показывают, что путь астероида изменился и его полёт к Земле предотвращён. Он движется теперь по эллиптической орбите вокруг Земли, с

периодом около 4 месяцев и 12 суток. Астроном добавляет, что в момент наибольшего приближения астероида к Земле он будет довольно заметным объектом – будет обладать диском только вдвое меньше диска Луны. Профессор Хукер и его помощники не только предупредили катастрофу, но и подарили Земле новую луну, как вечный памятник величайшего предприятия, задуманного человеческим гением».

Далее шли ещё столбцы, но Тассифер не стал их читать, так как с улицы донёлся необычайный шум.

– Что такое? – недоумевал Тассифер.

Слышен был глухой отдалённый гул, в котором смешались гудки моторов, звон колоколов, свистки, крики и рёв возбуждённой толпы. Улица была наполнена кричащей толпой; все смотрели на небо.

– Ура! – редела толпа. – Ура! Хукер вернулся!

Тассифер и Джедсон безмолвно смотрели друг на друга.

– Идёмте, – закричал Тассифер.

Высоко на западном небе, против парка, поднималось большое облако дыма и пара.

– Что случилось? – спросил Тассифер у пробежавшего мимо человека.

– Почём я знаю! – крикнул тот. – Народ говорит, на нас комета обрушилась.

Комета не при чём, – поправил полисмен. – Это летательная машина Хукера.

Джедсон схватил Тассифера за руку, и оба пошли за толпой.

IV

Два пассажира, мужчина и женщина, сошли по сходням с Вашингтонского парохода у загородной гостиницы. Торговля шла вяло уже несколько недель. Гостиницы были фактически закрыты, потому что прислуга, по преимуществу негры; в ужасе и религиозном пыле забросили своё дело и приготавливались молитвой и пением псалмов ко дню страшного суда.

Дряхлый клерк указал им комнаты и подал мужчине перо со свежими чернилами. Опершись рукой на белую страницу записной книги, он задумался, затем решительно взял перо и написал:

Венъямин Хукер с женой, Кембридж, Массачузетс .

Весь день оба звёздных путешественника гуляли по набережной, вдыхая нежные запахи наступающей весны и беседуя о приключениях последних семидесяти часов.

А вечером они сидели на прибережном песке и наблюдали, как темнело море и как отражался в воде первый луч лунного края, только что появившегося над горизонтом. Они не видели толпы репортёров, которые переполняли вечерний поезд, и не подозревали, что являются давно выслеженной дичью.

В полном неведении Хукер и Рода шли дальше и дальше по берегу. Луна, круглая и полная, улыбалась им, как старый, милый друг. Бриз стих, и волны с серебряными гребнями нежно омывали мягкий песок у их ног. Путники присели под соснами и смотрели вверх чрез ветви на синий свод неба с мерцающими на нём огоньками.

– Они мне больше нравятся, когда я смотрю на них с Земли, – прошептала Рода. – Когда они не мерцают, то имеют какой-то недружелюбный вид.

– Да, там, вверху было немного жутко, – согласился Хукер.

Луна плыла выше и выше, и всё побережье было залито снежно-белым светом, так что на несколько километров не было видно ни малейшей тени, кроме того места под соснами, где они сидели. И к этому-то единственному месту подходил Диггс, нью-йоркский репортёр.

– Кто-то идёт! – прошептал Хукер.

Диггс выследил их. Футах в пятидесяти он остановился и закурил в виде

предостережения сигарету. Затем подошёл к краю воды, задумчиво посмотрел на луну и произнёс:

– Итак, профессор Хукер?..

– Мы попались, – прошептал Хукер. – Он поймал нас. Алло! – ответил он.

Репортёр кашлянул и медленно подошёл к ним.

– Извините меня, – сказал он живо, – но вы понимаете, невозможно прогнать метеор, перевернуть солнечную систему – и улизнуть от газетных интервьюеров. Мне очень жаль, но ничего не поделать. А, здесь и мистрис Хукер! Сейчас 10 часов, я должен спешно протелефонировать нашу беседу в Нью-Йорк для утреннего выпуска газеты. Можете ли вы мне ответить на несколько вопросов?

– Право, мне нечего говорить.

– Удивительный человек! – ворчал Диггс. – Позвольте предложить вопрос: достоверен ли весь этот рассказ о высадке на Луне?

Рода указала чрез деревья на жёлтый диск Луны.

– Видите яркое пятно с тенью на левой стороне от него? – спросила она.

– Конечно, – ответил Диггс.

– Так вот: я была там не дальше как 36 часов назад!

– Чем вы можете доказать это? Какие свидетели...

– Что нам за дело до доказательств! – вмешался Хукер.

– Разумеется, – ответил сочувственно репортёр. – Но зато это моя забота. Подумайте, какая реклама будет для нас, если мы окажемся единственной газетой, доказавшей ваше пребывание на Луне!

Далеко на тёмном горизонте появилось внезапно тусклое сияние, которое делалось всё ярче; несколько случайных перистых облачков протянулись над ним.

– Что там такое? – спросил репортёр. – Как будто луна восходит; но ведь она уже взошла!

Он повернулся и смотрел на небо, где месяц спокойно плыл между облаками. Хукер молча курил свою трубку, Рода ждала.

На краю далёкой водной равнины появилась огненная точка и послала к ним дрожащий луч. Оранжевый диск вынырнул над волнами – блестящий, ослепительный.

– Что это такое? – воскликнул Диггс. – У меня в глазах двоится?

– Нисколько, – ответил Хукер. – Это наш свидетель, то доказательство, которого вы искали. Это Медуза, новый спутник Земли, блуждающий астероид: отныне он будет ходить кругом Земли.

– Две луны!? – спросил Диггс.

– Да, мистер Диггс; можете сообщить в Нью-Йорк, что теперь у нас две луны, два месяца: большой месяц для взрослых и малый для детей... И, наконец, ещё один славный месяц, – улыбаясь, добавил Хукер, бросив взгляд на Роду.

– Наш медовый месяц, – прошептала Рода. – Доброй ночи, мистер Диггс!

КОНЕЦ